

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО КРАЯ

„ИЗВЪСТІЯ

Архангельскаго Общества
изученія Русскаго Севера“.

1904 г.

№ 17-й.

15 Сентября.

Отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго
Общества.

Г Р А Ж Д А Н Е !

Страшное испытаніе пало на Россію. Водворотомъ міровой войны захвачена наша родина, и только во всенародномъ воодушевленіи най-деть она силу преодолѣть грозное бѣдствіе.

Велики страданія проливающихъ кровь на поляхъ сраженій, неизбывно горе тысячъ осиротѣвшихъ и обездоленныхъ семей, и мы все съ любовнымъ порывомъ идемъ исполнять долгъ нашъ—залѣчить раны сражающихся, дать хлѣбъ и кровь, и работу ихъ семьямъ, пріютить оторванныхъ военными дѣйствіями отъ разоренныхъ очаговъ своихъ.

Но разразившееся тяжкое бѣдствіе не только разрушитъ благополучіе тысячъ семействъ, оно потрясетъ весь хозяйственный бытъ нашего государства.

Неубранными и невспаханными останутся осенью многія крестьянскія поля и незафѣяными встрѣтятъ они зиму, если не придетъ вовремя мірская помощь. А во многихъ мѣстахъ помощь будетъ нужна и всему населенію, застигнутому неурожаемъ. Ослабѣваетъ кооперативное строительство, многіе фабрики и заводы останутся.

Вѣдь, разорвались все связи, неразрывно спаявшія наше народное хозяйство съ внѣшнимъ міромъ. Внезапно закрылись огромные рынки для сбыта нашего сырья, остановился привозъ нужныхъ намъ товаровъ, изсякъ притокъ денежныхъ средствъ, питавшій и поддерживавшій нашу промышленность, разстроено движеніе на путяхъ сообщенія, разрушенъ товарообмѣнъ страны.

Огненнымъ поясомъ охватилъ міровой пожаръ наши границы, и остались мы одинъ на одинъ въ борьбѣ съ опаснѣйшимъ врагомъ—хозяйственной разрухой. И въ этой борьбѣ у насъ не будетъ союзниковъ! Только гений свободнаго строительства народнаго можетъ провести благополучно государство черезъ все грядущія испытанія.

Граждане! необходима напряженная работа всехъ силъ страны, необходима широкая самодѣятельность населенія, необходимъ дѣйственный союзъ земства и городовъ со всеми общественными организаціями. Нужна вся сила свободной мысли и свободнаго творчества населенія.

Сожнутыми рядами должны пойти мы на борьбу съ голодомъ, нищетой и раззореніемъ страны.

Императорское Вольное Экономическое Общество въ години испытаній всегда отдавало свои силы и средства на борьбу съ народными бѣдствіями.

И нынѣ, исполняя долгъ помощи жертвамъ войны, общество одновременно приступаетъ къ выполненію задачи — поддержанія въ странѣ хозяйственнаго благополучія — и призываетъ всѣхъ къ этой работѣ.

Императорское Вольное Экономическое Общество вѣритъ, что его призывъ найдетъ откликъ во всѣхъ слояхъ населенія. Граждане! Примите личное участіе въ работахъ общества, шлите ему матеріальныя пожертвованія, создавайте на мѣстахъ всяческія организациі помощи населенію и разрушающемуся хозяйству; изучайте всѣ мѣстныя нужды и добивайтесь ихъ скорѣйшаго удовлетворенія.

Императорское Вольное Экономическое Общество въ полномъ сознаніи исключительной трудности и отвѣтственности предстоящей работы съ бодростью смотритъ впередъ всею силою своего разумія, раздѣляя всенародную увѣренность, что нынѣшнія великія неспытанія принесутъ всѣмъ народамъ Россіи полное возрожденіе для общей жизни во имя права, свободы и справедливости.

Императорское Вольное Экономическое Общество открываетъ сборъ пожертвованій на помощь больнымъ и раненымъ воинамъ и ихъ семьямъ, тѣмъ нашимъ соотечественникамъ, которые, не находясь на полѣ брани, являются тѣмъ не менѣе жертвами внесеннаго войною въ хозяйственную жизнь страны экономического потрясенія, а также на помощь населенію мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая. Сами жертвователи, если пожелаютъ, могутъ опредѣлить ту спеціальную цѣль, на которую сдѣлаютъ они свои пожертвованія.

Пожертвованія принимаются въ помѣщеніи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества — СИБ., Забалканскій пр., 33; Центральный банкъ обществъ взаимнаго кредита. Пенскій пр., 59.

С о в ѣ т ь

Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Историческая сессія законодательныхъ палатъ.

Продолженіе. См. № 16 „Извѣстій“ за т. г.

Объясненія П. Л. Барка.

Последнимъ изъ представителей правительства выступаетъ министръ финансовъ П. Л. Баркъ.

— Г.г. члены Государственной Думы! Для веденія войны государству приходится наряду съ военной мобилизаціей произвести такъ мобилизацію финансовую, и на министерствѣ финансовъ лежала обязанность прежде всего озаботиться кассовыми средствами, которыя могли быть предоставлены какъ на военныя нужды, такъ и на поддержаніе

торговли и промышленности, при одновременномъ сохраненіи золотыхъ запасовъ.

Съ этой цѣлью немедленно послѣ объявленія войны намъ Германіей было внесено представленіе въ комитетъ финансовъ о томъ, чтобы Государственный банкъ приостановилъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото, и чтобы банку было предоставлено болѣе широкое право дальнѣйшаго выпуска кредитныхъ билетовъ и, кромѣ того, чтобы ему было предоставлено право учитывать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства. Представленіе это, по одобреніи комитета финансовъ, было внесено въ совѣтъ министровъ, было тамъ подвергнуто обсужденію, а также имъ одобрено. Положеніе совѣта министровъ удостоилось 23 сего іюля Высочайшаго утвержденія.

Необходимость предоставленія кассовыхъ средствъ для нуждъ торговли и промышленности теперь, въ это тяжелое время, является особенно настоятельной; необходимо, чтобы нормальная жизнь страны, по возможности, не потерпѣла ущерба, чтобы не было никакой паники, а была бы полная увѣренность и спокойствіе среди населенія и среди торгово-промышленныхъ классовъ, которые могутъ рассчитывать на помощь Государственнаго банка, министерства финансовъ и правительства. Надлежитъ пояснить, что въ случаѣ исползованія Государственнымъ банкомъ этого права, которое ему предоставляется теперь новымъ законопроектомъ, Государственный банкъ можетъ выпустить кредитныхъ билетовъ, необезпеченныхъ золотомъ, на сумму полтора миллиарда рублей. Считаю, что теперь золотыхъ запасовъ въ Государственномъ банкѣ имѣется на 1.700.000.000 рублей, мы видимъ, что золотое покрытіе болѣе чѣмъ наполовину превыситъ выпускъ кредитныхъ билетовъ. Достаточно для сравненія привести, что именно въ Германіи, съ которой мы ведемъ войну, въ нормальное время по закону требуется металлическое покрытіе для кредитныхъ билетовъ всего въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$, тогда какъ у насъ и въ военное время будетъ болѣе $\frac{1}{2}$ покрытія (Возгласы: „Браво“ и рукоплесканія).

На веденіе войны потребуются, конечно, огромныя средства, текущій счетъ государственнаго казначейства въ банкѣ скоро будетъ исчерпанъ, и поэтому необходимо было предоставить Государственному банку право учитывать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства. Приостановленіе размѣна требовалось безотлагательно, такъ какъ каждый день промедленія велъ бы къ сокращенію золотыхъ запасовъ, сохраненіе же золота является вѣрнѣйшимъ залогомъ для скорѣйшаго возобновленія металлическаго обращенія, когда обстоятельства военнаго времени минуютъ. И вотъ почему правительство сочло себя вынужденнымъ провести эту мѣру въ экстренномъ порядкѣ, въ порядкѣ ст. 87, и предоставляетъ такую на ваше утвержденіе. Позвольте въ проектъ, который внесенъ министерствомъ финансовъ, внести одну поправку: въ ст. 3 исключить слова: „въ случаѣ исребованія находящихся на его счетахъ суммъ казны“. Такимъ образомъ, редакція раздѣла 3-го будетъ гласить: „предоставить Государственному банку учитывать краткосрочныя обязательства государственнаго казначейства въ размѣрѣ, вызываемомъ потребностями военнаго времени“, и разрѣшите де внести нѣкоторые редакціонныя поправки.

Независимо отъ мѣръ, принятыхъ въ этомъ направленіи, на министерствѣ финансовъ лежитъ обязанность изыскивать источники средствъ на веденіе войны. Прежде всего, на военныя нужды предоставлена вся

свободная наличность, которая къ началу войны составляла 500.000,000 руб.; на-ряду съ этимъ правительство признало необходимымъ пере-смотреть смѣты всѣхъ вѣдомствъ, произвести въ нихъ возможные со-кращенія и всю экономію обратить въ военный фондъ. На этотъ пред-метъ правительство испрашиваетъ вашихъ полномочій. Смѣтные сокра-щенія могутъ дать не менѣе 250 милл. руб. Такимъ образомъ, на пер-вое же время войны у насъ имѣется свободныхъ средствъ 500.000,000 руб. наличности и 250.000,000 руб. экономіи, итого 750.000,000 руб. (Рукоплексканія и возгласы: „Браво!“). Само собою разумѣется, что при-дется прибѣгнуть и къ кредитнымъ операціямъ, но реализація займовъ зависитъ отъ условій денежнаго рынка; вотъ почему важно предоста-вить Государственному банку право учитывать краткосрочныя обяза-тельства государственнаго казначейства; это будетъ краткосрочный долгъ казны Государственному банку, который будетъ подлежать покры-тію изъ выручки займовъ при ихъ реализаціи. Къ этой мѣрѣ мы при-бѣгали въ японскую войну. Тогда было выпущено краткосрочныхъ обязательствъ на сумму 400 милліоновъ рублей, которыя очень скоро были покрыты.

Наконецъ, не слѣдуетъ забывать также о необходимости повыше-нія налоговъ. Надлежитъ замѣтить, что расходы на войну обыкновенно въ меньшей части покрываются изъ налоговыхъ источниковъ. Такъ было во Франціи въ 1870 г., въ Англии во время англо-бурской войны и въ послѣднюю русско-японскую войну. Это вполне понятно, такъ какъ повышение существующихъ налоговъ или установленіе новыхъ является чрезвычайно тягостнымъ для населенія и не можетъ дать не-медленныхъ результатовъ. Но, тѣмъ не менѣе, правительство считало себя обязаннымъ представить на ваше одобреніе повышение цѣны на вино и на табакъ, въ виду того, что вино и табакъ не являются пред-метами первой необходимости (Возгласы: „Правильно“). Увеличеніе же цѣны на вино можетъ косвенно привести и къ сокращенію потребления вина (Возгласы: „Правильно!“), а эта первостепенной важности для хо-зяйственной жизни страны задача не должна быть упускаема изъ вида, въ особенности въ тяжелую годину военныхъ испытаній, когда всяче-ски необходимо укрѣпить народную энергію, трудоспособность и вы-носливость (Возгласы: „Браво!“). Позвольте внести еще одну поправку въ этотъ законопроектъ и предложить также увеличеніе акциза на пиво и включить ст.ст. 4 и 5 въ отд. III такого содержания: „Акцизъ съ пивоваренія взимать въ размѣрѣ не выше трехъ рублей съ пуда поступающаго въ заторгъ солода; съ пивоваренныхъ заводовъ, произво-дящихъ затираніе солода съ примѣненіемъ ручного способа или тяги животныхъ и перерабатывающихъ въ теченіе отчетнаго года не болѣе двухъ тысячъ пудовъ солода, взимать акцизъ въ размѣрѣ не свыше двухъ рублей тридцати коп. съ пуда учтеннаго солода“. Ожидаемыя поступления съ повышеній, только что мною предложенныхъ, исчи-сляются, примѣрно, въ 200.000,000 руб. въ годъ. Не лишне попутно отмѣтить, что въ связи съ мѣрами, которыя были приняты правитель-ствомъ за послѣдніе мѣсяцы, доходъ отъ казенной продажи питей пред-ставляется въ слѣдующемъ видѣ: за шесть мѣсяцевъ 1914 г.—414¹/₂ мил. руб., а въ 1913 г.—417 мил. р., что даетъ сокращеніе за 6 мѣ-цевъ противъ 1913 года на 2¹/₂ милл. рублей, тогда какъ въ 1913 г. противъ 1912 г. было увеличеніе на 43 милл. руб. (Рукоплексканія). Если мы сравнимъ превышеніе всѣхъ доходовъ 1914 и 1913 г.г., то

получимъ такія цифры: за 6 мѣсяцевъ 1913 г. противъ предшествующаго 1912 г. общее превышеніе всѣхъ доходовъ составило 150 милл. р., въ томъ числѣ водка дала превышеніе 43 милл. руб. Въ 1914 г. общее превышеніе доходовъ противъ 1913 г.—161 милл. руб. противъ 150 мил., при чемъ водка дала уменьшеніе въ $2\frac{1}{2}$ милл. руб. (Рукоплексанія).

Позвольте мнѣ еще упомянуть о тѣхъ мѣрахъ, которыя приняло министерство финансовъ для огражденія кредита страны отъ потрясеній и для поддержанія оборотовъ торговли и промышленности. Государственный банкъ широко пошелъ навстрѣчу исключительно потребностямъ въ кредитѣ и оказываетъ поддержку кредитнымъ учрежденіямъ предоставленіемъ имъ средствъ, необходимыхъ какъ на выплату вкладовъ по текущимъ счетамъ, такъ и на продолженіе нормальныхъ операцій; вмѣстѣ съ тѣмъ 21 іюля ввелъ общій мораторіумъ, разрѣшающій кредиторамъ не протестовать векселей срочныхъ послѣ 17 іюля. Теперь ввелъ еще частичный мораторіумъ, распространяющійся на нѣкоторыя губерніи, оторочивающій также взисканія на 2 мѣсяца по векселямъ, именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ коихъ могутъ особенно неблагоприятно отозваться военныя дѣйствія.

Позвольте мнѣ еще сообщить о тѣхъ послѣдовательныхъ мѣрахъ, которыя приняло министерство финансовъ, начиная съ 11-го іюля, то-есть съ того дня, когда сталъ извѣстенъ ультиматумъ Австріи, предъявленный Сербіи. Этотъ ультиматумъ сталъ извѣстенъ утромъ 11 іюля; вечеромъ того же дня чиновники министерства финансовъ выѣхали въ Берлинъ для того, чтобы оттуда взять большое количество процентныхъ бумагъ, находившихся у берлинскихъ корреспондентовъ... (Возгласы: „Браво“ и рукоплексанія). Этихъ бумагъ было около двадцати милліоновъ и онѣ были привезены въ Петербургъ. Кромѣ того, былъ данъ приказъ немедленно переводить суммы государственнаго казначейства и Государственнаго банка, которыя находились въ Берлинѣ,—въ Россію, въ Англію и во Францію (Возгласы: „Браво“ и рукоплексанія). Всѣ эти суммы были переведены, за исключеніемъ небольшого остатка Государственнаго банка, необходимаго для платежей по текущимъ аккредитивамъ. Такимъ образомъ, когда была открыта война съ Германіей, суммъ казны не было въ Берлинѣ (Возгласы: „Браво“ и рукоплексанія). Такихъ суммъ было около 100 милліоновъ рублей. Тогда уже Государственному банку было поручено широко идти навстрѣчу требованіямъ по открытію кредитовъ, необходимъ ихъ для выплаты вкладовъ и поддержанія хозяйственной жизни страны. Относительно продажи валюты, какъ министерство финансовъ, такъ и Государственный банкъ продавали валюту только въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Когда же былъ объявленъ мораторіумъ во Франціи, всякая продажа валюты, то-есть иностранныхъ переводовъ, была прекращена.

Въ настоящее время денежное наше положеніе таково: на текущемъ счетѣ казны имѣется 560.000,000 руб. Государственный банкъ располагаетъ достаточнымъ правомъ выпуска кассовыхъ средствъ при одновременномъ сохраненіи крупныхъ золотыхъ запасовъ. И въ дѣлѣ мирѣ нѣтъ растерянности, есть, конечно, разумная забота о завтрашнемъ днѣ, но господствуетъ спокойствіе и твердая надежда на то, что по минованіи войны здоровыя силы нашей Великой Родины дадутъ намъ возможность скоро возстановить нормальную хозяйственную жизнь страны.

Позвольте въ заключеніе остановиться еще на одномъ чрезвычайномъ вопросѣ, забота о коемъ лежитъ на всѣхъ насъ и, въ частности, на финансовомъ вѣдомствѣ. Я говорю объ обезпеченіи семей запасныхъ, призванныхъ на войну (Возгласы: „Браво“ и рукоплесканія). Когда кормилецъ семьи уйдетъ на защиту родины, и правительство, и общество должны принять всѣ мѣры, чтобы семьи ушедшихъ были обезпечены (Рукоплесканія и возгласы „Браво“), и въ дѣлѣ организаціи помощи огромное содѣйствіе могутъ оказать мѣстные органы самоуправленія (Рукоплесканія и возгласы: „Браво“). На основаніи дѣйствующаго закона, правительство уже ассигновало необходимыя на первое время средства, но вы можете быть вполне увѣрены, что правительство и въ дальнѣйшемъ готово идти на самыя широкія затраты на эту неотложную надобность (Продолжительныя рукоплесканія и возгласы: „Браво“).

Въ 4 часа 30 минутъ объявляется перерывъ.

Засѣданіе возобновляется въ 5 час. 35 минутъ дня.

Предсѣдатель предлагаетъ стоя выслушать Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Австріей.

Манифестъ читаетъ самъ М. В. Родзянко.

Оглашеніе манифеста покрывается громкими возгласами „ура“ и пѣніемъ гимна.

Гос. Дума безъ преній единогласно постановляетъ приступить къ обсужденію разъясненій правительства въ настоящемъ засѣданіи.

При общемъ вниманіи и повышенномъ настроеніи и возбужденіи одинъ за другимъ выступаютъ представители различныхъ фракцій и національностей, высказывающіе отношеніе тѣхъ группъ и народностей, которыя они представляютъ, къ переживаемому моменту.

Декларация трудовой группы.

Слово предоставляется, прежде всего, представителю трудовой группы *А. Ф. Керенскому.*

При общемъ вниманіи *А. Ф. Керенскій* съ большимъ чувствомъ читаетъ слѣдующую декларацию:

— Тяжкое испытаніе пало на родину, и великая скорбь охватываетъ всю страну. Тысячи и тысячи молодыхъ жизней обречены на нечеловѣческое страданіе. Нищета и голодъ идутъ разрушать благосостояніе сиротѣющихъ семей трудящихся массъ населенія. Мы непоколебимо увѣрены, что великая стихія россійской демократіи вмѣстѣ со всѣми другими силами дадутъ рѣшительный отпоръ нападающему врагу (Шумныя рукоплесканія всей Гос. Думы) и защитятъ свои родныя земли и культуру, созданныя потомъ и кровью поколѣній. Мы вѣримъ, что на поляхъ бранныхъ въ великихъ страданіяхъ укрьпится братство всѣхъ народовъ Россіи (Шумные апсл.). Родится единая воля и освободитъ страну отъ страшныхъ внутреннихъ путъ. Неискупима отвѣтственность правительствъ всѣхъ европейскихъ государствъ, во имя интересовъ правящихъ классовъ толкнувшихъ свои народы на братоубійственную войну. Соціалисты всѣхъ нынѣ воюющихъ странъ—Франціи, Англій, Бельгіи и Германіи,—пытались протестовать противъ разившейся нынѣ войны. Мы же, русская демократія, не могли даже въ этотъ послѣдній страшный часъ во-время свободно возвысить свой голосъ противъ надвигавшейся войны. Но глубоко вѣруя въ единство всѣхъ трудящихся классовъ всѣхъ странъ, мы шлемъ свой братскій

привѣтъ всѣмъ протестовавшимъ противъ подготовлявшейся братоубійственной браци народовъ.

Русскіе граждане. помните, что нѣтъ враговъ у васъ среди трудящихся классовъ воюющихъ странъ. Защищая до конца все родное отъ попытокъ захвата со стороны враждебныхъ намъ правительствъ--Германіи и Австріи,—помните, что не было бы этой страшной войны, если бы великіе идеалы демократіи: свобода, равенство и братство руководили дѣятельностью правящей Россіи и правительствъ всѣхъ странъ. Между тѣмъ, власть наша даже въ этотъ страшный часъ не хочетъ забыть внутренней распри, не даетъ амнистіи борющимся за свободу и счастье страны, не хочетъ примириться съ не-русскими народностями, все простившими и одушевленно борющимися вмѣстѣ съ нами за общую родину. И, вмѣсто того, чтобы облегчить положеніе трудящихся классовъ народа, возлагаетъ именно на нихъ главную тяжесть военныхъ издержекъ, усиливая бремя косвенныхъ налоговъ. Крестьяне и рабочіе, всѣ, кто хочетъ счастья и благополучія Россіи въ великихъ испытаніяхъ, закалите духъ вашъ! Соберите всѣ ваши силы и, защитивъ страну, освободите ее; а вамъ, нашимъ братьямъ, проливающимъ кровь за родину, низкій поклонъ и братскій привѣтъ (Шумныя рукошлесканія на скамьяхъ оппозиціи и октябристовъ).

Декларация с.-д.

Хаустовъ. Отъ имени с.-д. фракціи и россійской с.-д. рабочей фракціи я уполномоченъ заявить слѣдующее:

— Страшное небывалое бѣдствіе обрушилось на народы всего міра. Милліоны рабочихъ оторваны отъ мирнаго труда, раззорены и брошены въ кровавый водоворотъ; милліоны семей обречены на голодъ. Война началась. Когда европейскія правительства готовились къ войнѣ, европейскій пролетаріатъ, во главѣ съ германскимъ, выступилъ съ дружнымъ протестомъ противъ подготовляемой правящими кругами войны. Рядъ сложившихся обстоятельствъ помѣшалъ рабочимъ Россіи выступить открыто съ тѣмъ же протестомъ противъ войны. Но въ моменты грандіозныхъ демонстрацій европейскаго пролетаріата противъ войны сердца русскихъ пролетаріевъ бились вмѣстѣ съ ихъ сердцами. Настоящая война порождена политикой захватовъ, является войной, отвѣтственность за которую несутъ правящіе круги всѣхъ воюющихъ теперь странъ. Пролетаріатъ—постоянный защитникъ свободы и интересовъ народа, во всякій моментъ будетъ защищать культурныя блага народа отъ всякихъ посягательствъ, откуда бы они ни исходили. Сознательный пролетаріатъ воюющихъ странъ не могъ помѣшать возникновенію войны и тому разгулу варварства, который она съ собой несетъ. Но мы глубоко убѣждены въ томъ, что въ международной солидарности всѣхъ трудящихся массъ всего міра пролетаріатъ найдетъ средства къ скорѣйшему прекращенію войны. И пусть условія мирнаго договора будутъ продиктованы не дипломатами, а самимъ народомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы высказываемъ глубокое убѣжденіе, что эта война окончательно раскроетъ глаза народнымъ массамъ Европы на дѣйствительный источникъ насилій и угнетеній, отъ которыхъ онѣ страдаютъ, и что теперешняя вспышка варварства будетъ въ то же время и послѣдней вспышкой (Аппл. слѣва) шиканье справа).

Декларация прибалтійскихъ тѣмцевъ.

Бар. Фельзерзамъ. Отъ имени ближайшихъ политическихъ друзей имѣю честь заявить, что искони вѣрнопогоданное нѣмецкое населеніе Прибалтійскаго края всегда готово встать на защиту Престола и отечества. Мы не только будемъ голосовать за всѣ предложенные военные кредиты, но, по примѣру нѣшихъ предковъ, готовы жертвовать жизнью и имуществомъ за единство и величіе Россіи (Шумные аппл.).

Декларация польскаго коло

Отъ имени польскаго коло выступаетъ *В. Ф. Яронскій*, рѣчь котораго выслушивается съ огромнымъ вниманіемъ.

— Въ тотъ историческій моментъ,—говоритъ *В. Ф. Яронскій*,—когда славянство и германскій міръ, руководимый вѣковымъ врагомъ нашимъ—Пруссіей,—приходятъ къ роковому столкновенію, положеніе польскаго народа, лишенаго своей самостоятельности и возможности проявленія своей свободной воли, является трагическимъ. Трагизмъ этотъ усугубляется не только тѣмъ, что нашъ край является театромъ войны со всѣми ея ужасами, но и тѣмъ, что разорванный на три части польскій народъ увидитъ сыновъ своихъ во вражескихъ другъ другу станахъ. Но разбѣдиненные территоріально, мы въ чувствахъ своихъ и симпатіяхъ къ славянамъ должны составлять единое (Бурные аппл. всей Гос. Думы). Это намъ показываетъ не только то правое дѣло, за которое вступилась Россія, но и политическій разумъ. Міровое значеніе переживаемаго времени должно отодвинуть на второй планъ всѣ внутренніе счеты (Шумные аппл. всей Гос. Думы). Дай Богъ, чтобы славянствомъ подъ главенствомъ Россіи былъ данъ тевтонамъ такой же отпоръ, какъ пять столѣтій тому назадъ Польшей и Литвой былъ имъ данъ при Грюнвальденѣ (Бурные аппл. всей Гос. Думы).

Пусть наша пролитая кровь и ужасы братоубійственной для насъ войны приведутъ къ соединенію разорваннаго на три части польскаго народа (Шумные аппл. на скамьяхъ оппозиціи и октябристовъ).

Декларация латышей и эстонцевъ.

Отъ имени латышскихъ и эстонскихъ депутатовъ выступаетъ *И. Ю. Гольдманъ*.

— Одинъ изъ первыхъ выстрѣловъ непріятеля прогремѣлъ въ томъ краѣ,—говоритъ онъ,—представителемъ котораго я являюсь. Это было въ Либавѣ. Но повелитель Германіи глубоко ошибся, если ожидалъ, что этотъ выстрѣлъ найдетъ отзывъ въ мѣстномъ населеніи въ смыслѣ какого-нибудь враждебнаго выстуленія противъ Россіи. Наоборотъ, отъ населенія Прибалтійскаго края, гдѣ подавляющее большинство латыши и эстонцы, въ отвѣтъ на этотъ выстрѣлъ столь же громко прогремѣло „Да здравствуетъ Россія“ (Шумные аппл.). И такъ это будетъ и дальше, даже при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ. Среди латышей нѣтъ ни одного человѣка, который бы не сознавалъ, что все, что нами достигнуто, достигнуто только подъ защитою русскаго орла. (Шумные аппл.); и что осуществленіе всего, чего латыши должны еще достигнуть, возможно лишь тогда, когда Прибалтійскій край и въ будущемъ будетъ составлять нераздѣльную часть великой Россіи (Шумные аппл.). Поэтому теперь и можно видѣть у насъ такой подъемъ духа и такое стремленіе стать на защиту дорогого отечества. Эти великіе дни доказываютъ, что ни національность, ни языкъ, ни вѣроисповѣданіе не мѣ-

шають намъ, латышамъ и эстонцамъ, быть горячими патриотами Россіи и стать на защиту своего отечества плечемъ къ плечу съ великимъ русскимъ народомъ противъ дерзкаго врага. Въ морѣ крови, въ котомъ захотѣлъ купаться сидящій въ Берлинѣ тиранъ Европы (Шумн. англ.), вольють, можетъ быть, и латыши и эстонцы свою послѣднюю каплю, дабы этотъ постоянно угрожающій миру человекъ не только купался въ этомъ морѣ, но и утонулъ бы въ немъ (Шумные англ.). Въ эти великіе дни мы докажемъ, что мы способны не только на патриотическіе порывы, но и на сдержанность относительно внутренняго порядка, какъ необходимаго залога уснѣха оружія на полѣ битвы. У насъ много счетовъ съ прибалтійскими нѣмцами, но мы не будемъ теперь съ ними считаться. Когда пройдутъ грозные тяжелые дни, мы представимъ эти счета вашему разсмотрѣнію, и я глубоко убѣжденъ, что при новомъ свѣтѣ солнца мира исчезнутъ тѣ предразсудки, которые теперь у нѣкоторыхъ еще могутъ имѣться. Въ настоящее время для насъ, латышей и эстонцевъ, выше всего одна цѣль—отбить натискъ общаго врага. И въ настоящую историческую минуту я отъ имени латышскихъ и эстонскихъ депутатовъ заявляю, что мы, латыши и эстонцы, въ настоящей святой и справедливой борьбѣ пойдемъ съ русскимъ народомъ до конца. Не только наши сыновья, братья и отцы будутъ сражаться въ рядахъ арміи, но непріятель найдетъ и дома у насъ въ каждой хижинѣ, на каждомъ шагѣ своего злѣйшаго врага, которому онъ можетъ отрубить голову, но отъ котораго даже умирающаго онъ услышитъ только одно: „Да здравствуетъ Россія“ (Шумные и продолжительные англ.).

Декларация литовцевъ.

Ичасъ. Въ этотъ историческій моментъ я долженъ заявить отъ имени литовцевъ, безъ различія партій, что судьбы нашего народа всегда были связаны съ судьбами славянства. Когда-то, когда еще наше славное государство существовало подъ знаменемъ нашего славнаго великаго князя Витовта, былъ данъ отпоръ тевтонскому натиску, и былъ сокрушенъ тевтонскій орденъ, который теперь снова поднимаетъ голову. Литовскій народъ, на землю котораго упали первые выстрѣлы, который въ первыхъ рядахъ вынужденъ сражаться, идетъ на эту войну, какъ на священную. Онъ забываетъ всѣ свои обиды, надѣясь увидѣть Россію свободной и счастливой послѣ этой войны и надѣясь, что литовцы, разорванные надвое, будутъ соединены подъ однимъ русскимъ знаменемъ (Шумные англ.).

Декларация евреевъ.

Фридманъ. На меня выпала высокая честь выразить тѣ чувства, которые въ настоящій историческій моментъ воодушевляють еврейскій народъ. Въ великомъ порывѣ, поднявшемъ всѣ племена и народы великой Россіи, евреи выступаютъ на полѣ брани плечомъ къ плечу со всѣми народами ея.

Въ исключительно тяжелыхъ правовыхъ условіяхъ жили и живемъ мы, евреи, и, тѣмъ не менѣе, мы всегда чувствовали себя гражданами Россіи, всегда были вѣрными сынами своего отечества. И никакія силы не отторгнутъ насъ отъ нашей родины—Россіи, отъ земли, съ которой мы связаны вѣковыми узами. Въ защиту нашей родины отъ иноземнаго нашествія мы выступаемъ не только по долгу совѣсти, но и по чувству глубокой привязанности. Въ настоящій часъ испытанія, слѣдуя

раздавшемся съ высоты Престола призыву, мы, русскіе евреи, какъ одинъ человѣкъ, станемъ подъ русскими знаменами и положимъ все свои силы на отраженіе врага (Шумные аппл. всей Гос. Думы. Демонстративно апплодируютъ правые и націоналисты). Еврейскій народъ исполнитъ свой долгъ до конца. (Шумные аппл.).

Декларация представителей національностей закончена, и начинается выступленіе представителей фракціи.

Декларация фракціи народной свободы.

Первымъ выступаетъ П. Н. Милюковъ.

— Фракція народной свободы, говоритъ онъ,—неоднократно говорила въ Гос. Думѣ о тѣхъ вопросахъ, которые здѣсь были затронуты двумя первыми ораторами, говорившими съ этой кафедры. Ея мнѣніе по этимъ вопросамъ всегдѣ хорошо извѣстно. И, конечно, никакія внѣшнія обстоятельства не могутъ измѣнить этихъ мнѣній. Когда настанетъ время, фракція вновь заговоритъ о нихъ и вновь будетъ указывать на единственный возможный путь къ внутреннему обновленію Россіи. Она надѣется, что, пройдя черезъ тяжкія испытанія, намъ предстоящая, страна станетъ ближе къ своей завѣтной цѣли. Но въ эту минуту всегдѣ насъ слишкомъ глубоко захватили другіе вопросы, иная задача, грозная, и величественная, стоитъ передъ нами и повелительно требуетъ немедленнаго разрѣшенія. Намъ нужно сосредоточить все свои силы на защитѣ государства отъ внѣшняго врага, вознамѣрившагося столкнуть насъ со своего пути къ міровому господству. Наше дѣло—правое дѣло: мы ведемъ борьбу за освобожденіе нашей родины отъ иноземнаго нашествія, Европы и славянства—отъ германскаго преобладанія (Возгласы слѣва: „браво“), всего міра отъ невыносимаго гнета постоянно растущихъ вооруженій, разоряющихъ мирныхъ труженниковъ (Общія рукоплесканія и возгласы „браво“), вызывающихъ все новыя и новыя вооруженныя столкновенія. Въ этой борьбѣ мы все заодно; мы не ставимъ условій и требованій, мы просто кладемъ на все борьбу нашу твердую волю одолѣть насильника (Рукоплесканія на всегдѣ скамьяхъ; возгласы „браво“). Вотъ почему центральный комитетъ нашей партіи, руководимый этими соображеніями, обратился къ своимъ единомышленникамъ съ воззваніемъ, къ которому фракція всецѣло присоединяется, и которое мы считаемъ своимъ долгомъ огласить съ этой высокой кафедры:

Въ тяжелую минуту, когда внѣшній врагъ стоитъ у воротъ, когда наши братья вышли ему навстрѣчу, и готова пролиться родная кровь за спасеніе родины, когда тѣ, кто остались, въ силу вещей, призваны къ великимъ жертвамъ духовнымъ и матеріальнымъ, руководители партіи народной свободы высказываютъ твердую увѣренность, что ихъ политическіе друзья и единомышленники, гдѣ бы они ни были, и въ какомъ бы положеніи ни застала ихъ война, до конца исполнять свой долгъ россійскихъ гражданъ въ предстоящей борьбѣ. Каково бы ни было наше отношеніе къ внутренней политикѣ правительства, нашъ первый долгъ сохранить нашу страну единой и нераздѣльной... (общія бурныя рукоплесканія) и удержать за ней то положеніе въ ряду міровыхъ державъ, которое оспаривается у насъ врагами.

Отложимъ же внутренніе споры и не дадимъ врагу ни малѣйшаго повода надѣяться на раздѣляющія насъ разногласія (Бурныя, продолжительныя рукоплесканія всей Думы) и будемъ твердо помнить, что

теперь первая и единственная задача наша поддержать борцовъ вѣрой въ правоту нашего дѣла, спокойной бодростью и надеждою на успѣхъ нашего оружія.

Пусть моральная поддержка всей страны дастъ нашей арміи всю ту дѣйственную силу, на которую она способна, и пусть наши защитники не обращаются съ тревогой назадъ, а смѣло идутъ впередъ навстрѣчу побѣдѣ и лучшему будущему“ (Шумныя продолжительныя рукоплесканія на всѣхъ скамьяхъ).

Рѣчь П. Н. Милокова производитъ на всю Гос. Думу огромное впечатлѣніе. У бывшаго морского министра адм. Бирилева во время нея показываются на глазахъ слезы, и онъ, будучи не въ состояніи скрыть свое волненіе, покидаетъ залъ.

Речь Л. Г. Люца.

Л. Г. Люць заявляетъ, что наступилъ часъ, когда нѣмцы, населяющіе Россію, сумѣютъ защитить достоинство и честь великаго государства и снять съ себя то оскорбленіе, которое могло быть нанесено имъ однимъ предположеніемъ, что русско-подданные нѣмцы могутъ измѣнить своему отечеству. Нѣмцы, населяющіе Россію, всегда считали ее своей матерью и своей родиной, и за достоинство и честь ея они всѣ, какъ одинъ, сложатъ свои головы (Аппл. справа и въ центрѣ).

Декларация націоналистовъ и группы центра.

Балашевъ. Въ тяжелое и славное время, которое мы переживаемъ, Россія призвана исправить нѣкоторыя свои историческія ошибки. Всюду, по всей необъятной Россіи, поднялась та волна, тотъ духовный порывъ, который является вѣрнымъ залогомъ окончательнаго торжества праваго и справедливаго дѣла. Поклянемтесь всѣ, что мы, забывши все, кромѣ великой цѣли, которой мы задались, всѣми силами будемъ бороться до той минуты, когда вѣчная угроза правды, справедливости и миру,—воинственный натискъ германизма,—не будетъ сначала сложенъ, а затѣмъ и окончательно уничтоженъ. Въ полномъ единеніи съ нашимъ Самодержцемъ мы пройдемъ сквозь строй всѣхъ испытаній, каковы бы они ни были, и достигнемъ великой святой цѣли (Шумн. аппл.).

Гр. Мусинъ-Пушкинъ. Избранники земли русской, братья! Бываютъ минуты жизни народной, когда всѣ мысли, всѣ чувства, весь порывъ народный должны выразиться въ одномъ кличѣ. Пусть будетъ этотъ кличъ: „Богъ, Царь, народъ и наша побѣда надъ врагомъ“ (Шумныя аплодисменты на всѣхъ скамьяхъ).

Речь Н. Е. Маркова 2-го.

Марковъ 2-й. Мы только что съ упоеніемъ выслушали патриотическіе голоса народностей, населяющихъ Россію. Мы не слышали только представителей одного народа—русскаго и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо когда война въ Россіи, объяснить свое поведение русскому народу не приходится. Я вышелъ не для того, чтобы быть представителемъ русскаго народа,—вы всѣ являетесь его представителями. (Апл.). Я вышелъ для того, чтобы рассказать вамъ, какъ въ Турекѣ, когда провозжали часть арміи, то среди всѣхъ провожавшихъ своихъ братьевъ, сыновей или мужей не слышалось ни одного упрека по поводу того, зачѣмъ война. Весь народъ, среди котораго было много фабричныхъ, молилъ объ одномъ: Господи, пусть будетъ побѣда! Никакія условія не ставятся народомъ своей великой арміи и своему могу-

щественному флоту. Весь народъ ждетъ и молится о побѣдѣ. Въ виду этого, я думаю, что мы, представители русскаго народа, въ его полной совокупности, исполнимъ свой святой долгъ, если обратимся къ вышшимъ представителямъ нашей доблестной арміи и доблестнаго флота, — къ военному и морскому министрамъ и попросимъ имъ передать войскамъ и флоту тѣ чувства которыя мы раздѣляемъ. „Ура“ нашему великому войску и „ура“ нашему флоту!

Всѣ депутаты встаютъ и раздражаются бурными криками „ура“ и рукоплесканіями по адресу морского и военного министровъ, которые встаютъ и кланяются Гос. Думѣ.

Заявленіе И. В. Годневъ.

Годневъ. Я выступаю въ данномъ случаѣ не какъ русскій, а какъ представитель инородцевъ Казанской губ. Казанское царство—преимущественно магометанское, и татары не имѣютъ своего представителя, слѣдовательно, не могутъ выразить вамъ своихъ чувствъ. Позвольте мнѣ, какъ избраннику татарскаго, чувашскаго и черемисскаго населенія Казанской губ., заявить, что все магометанское населеніе, какъ одинъ человекъ, будетъ бороться, какъ и мы русскіе, противъ того нашествія, которое въ настоящее время сдѣлало на Россію. Примите черезъ меня отъ нихъ завѣреніе, что они всецѣло желаютъ полнѣйшей побѣды русскому оружію и сложать свои головы, какъ русскіе, за Россію (Шумные аппл.).

Декларация земцевъ-октябристовъ.

Протопоповъ. Въ настоящій часъ великихъ тяжелыхъ испытаній, когда вся Россія безъ различія классовъ и состояній, сплотилась и объединилась вокругъ единаго святаго завѣта—защита родной земли,— слова, казалось бы, излишни. Весь миръ свидѣтель нашего единенія, которое, съ Божьей помощью, приведетъ насъ къ побѣдѣ. Политическіе друзья мои послали меня сюда, на эту кафедру, чтобы сказать и выразить твердое убѣжденіе и непоколебимую нашу вѣру, что предъ лицомъ грознаго нашествія мы всѣ будемъ вмѣстѣ; мы всѣ одинаково готовы достояніемъ своимъ, жизнью своей и близкихъ намъ людей бороться противъ пощты врага, старающагося сломить силу и свободу великой родины нашей. Мы вѣримъ, что на неправую поднявшаго мечъ Господь, и что Россія въ этой исторической борьбѣ, какъ и въ прежніе годы тяжкихъ испытаній, сплотившись вокругъ своего Царя, выйдетъ изъ этой борьбы единой, нераздѣльной, нравственно выросшей, обновленной и окрѣпшей (Шумные продолжит. апплод.).

Резолюція Гос. Думы.

Деклараци и рѣчи закончены.

Крайніе лѣвые, не желая голосовать противъ намѣченной резолюціи, покидаютъ залъ засѣданій, и М. В. Родзянко оглашаетъ слѣдующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ: -

„Выслушавъ объясненія правительства и съ чувствомъ удовлетворенія убѣдившись, что были исчерпаны всѣ средства для сохраненія мира, отвѣчающія достоинству Россіи, какъ великой державы, Государственная Дума выражаетъ непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что въ тяжелый часъ испытанія предъ надвигающейся военной грозой всѣ народы Россіи, объединенные единымъ чувствомъ любви къ родинѣ, твердо вѣруя въ правоту своего дѣла, по призыву своего Государя готовы стать

на защиту родины, ея чести и достоянія. Въ сознаниі этого, Государственная Дума черпаетъ спокойную увѣренность въ несокрушимой силѣ и славномъ будущемъ Россіи. Переходя къ очереднымъ дѣламъ и выражая полную готовность содѣйствовать дѣлу обороны страны и обезпеченія семей запасныхъ,—Государственная Дума посылаетъ свой братскій привѣтъ доблестнымъ защитникамъ родины, самоотверженно приступившимъ къ выполнению геройскаго своего долга*.

Формула эта принимается единогласно. Принятіе формулы при- вѣтствуется шумными рукоплесканіями и пѣніемъ гимна.

Принятіе законопроектвъ.

Безъ преній, въ порядкѣ спѣшности, принимаются всѣ три законо- проекта, поставленные на повѣстку: о повышеніи цѣнъ на водку и ак- циза на табакъ и пиво, о прекращеніи размѣна кредитныхъ билетовъ на золото и объ израсходованіи на военныя нужды кредитовъ, не являющихся неотложными.

По предложенію С. И. Шидловскаго, принимается слѣдующая формула перехода къ очереднымъ дѣламъ:

„Гос. Дума выражаетъ пожеланіе, чтобы въ дополненіе къ преду- смотрѣннымъ закономъ 25 іюня 1912 г. мѣрамъ были привлечены къ дѣлу обезпеченія семей запасныхъ земскія и городскія учрежденія и общественныя силы, въ тѣсномъ единеніи съ административными ор- ганами.

Повѣстка исчерпана.

Роспускъ Гос. Думы.

Предсѣдатель приглашаетъ членовъ Гос. Думы стоя выслушать Высочайшій указъ:

На основаніи ст. 99 основныхъ государственныхъ законовъ, пове- лѣваемъ: занятія Государственной Думы прервать 26-го іюля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе 1-го февраля 1915 г., въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учи- нить надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества ру- кою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

— Государю Императору „ура“,—возглашаетъ М. В. Родзянко.

„Ура“ подхватывается всей Г. Думой. Депутаты исполняютъ гимнъ, и въ 6 ч. 25 м. историческое засѣданіе Гос. Думы объявляется закрытымъ.

(Окончаніе будетъ).

Вѣнокъ на свѣжую могилку „старой русской народной пѣсни“.

„Новое молодится —
Старое забывается“.
(Народная истина).

Лѣтъ двадцать тому назадъ воложанинъ—И. Я. Львовъ*) въ своей книжкѣ „Новое время“—„Новыя пѣсни“ отмѣчаетъ поворотъ въ народ-

*) И. Я. Львовъ — „Новое время“—„Новыя пѣсни“. Изданіе 1894 г. (о поворотѣ въ народной поэзіи).

ной поэзіи. Теперь его предсказаніе быстро исполняется. Въ русской „деревнѣ“ мы не слышимъ больше длинныхъ, тягучихъ пѣсенъ, съ очень интереснымъ содержаніемъ, но безъ всякаго стиха, вычурной „рифмы“, — ихъ замѣнили „частушки“*). Это маленькія въ четыре стиха пѣсенки, выражающія какъ бы протестъ „старой деревнѣ“ и неприязнь къ пѣснямъ „Старины“. Чѣмъ заслужили эту неприязнь народныя пѣсни, почему молодое поколѣніе не любитъ того, что такъ любили ихъ отцы и дѣды?!... Такъ и хочется встать рядомъ съ народною пѣсней и бороться за ея свободу и независимость, такъ и хочется громко сказать: „Безумцы! вы промѣниваете золото на мѣдь!“ По то, чѣмъ такъ дорожило интеллигентное, научное общество, за чѣмъ ревниво слѣдило, прошло: возвать „старой народной пѣсни“ невозможенъ. Никогда не услышимъ мы изъ устъ нашего народа тягучей пѣсни, никогда крестьянская свадьба не будетъ такой интересной и оригинальной, какой была она въ „сѣдую старину“.

Народная пѣсня сохранится только благодаря тому, что были люди, которые дорожили ей, любили слушать ея грустные нагѣвы, воспроизводили на нотахъ и издавали большіе сборники пѣсенъ „парода“. Большое спасибо такимъ людямъ: „они исполнили свой долгъ по отношенію къ „пѣснѣ“ и къ родинѣ“.

Въ настоящее время „Нашъ Сѣверъ“ довольно богатъ литературою о старой народной пѣснѣ**), но и всякія новыя свѣдѣнія должны приниматься съ благодарностью, такъ какъ „жатва“ велика, а „дѣлателей“ мало! Нужно работать на пивѣ народной пѣсни, нужно энергичнѣе разспрашивать „старожилковъ“ — дабы сохранить „старую пѣсню“ хотя на бумагѣ. Много еще глухихъ уголковъ „Нашего Сѣвера“ хранятъ эти пѣсни; есть еще „старушки-свахи“, съ тоскою вспоминающія

*) Желющихъ познакомиться съ пѣвымъ народнымъ творчествомъ отсылаю къ статьѣ С. А. Лосева — Деревенская пѣсня и музыка въ Вологод. губ. 1911 года. „Извѣстія Арх. Общ. изуч. Русск. Сѣвера“.

**) Примѣчаніе. Литература о народной „старинной“ пѣснѣ Вологодской губерніи: 1) Иваницкій Н. А. — Игровыя пѣсни Волог. губ. — Вол. Губер. Вѣдомости 1884 № 26 — 31; 2) Деревенское веселье въ Вол. губ. Современ. — Александровъ В. А.; 3) Арлышевъ В. Ѡ — Зырянскія загадки и пѣсни; 4) Дилакторскій С. А. — Свадебный день въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вол. губ. Губер. Вѣдом. 1890 № 42, 44, 45, 48, 50; 5) Его же — Канунъ свадебнаго дня въ Тройчинѣ, Кадниковскій у. ibid. 1891 № 1, 2, 6) Иваницкій Н. А. — Повѣствовательныя пѣсни Волог. уѣз. Губ. Вѣд. 1883 № 19, 27; 7) Его же. — Бытовые пѣсни Вол. губ. ibid. 1883 № 39, 43, 46, 48, 49, 51; 8) Его же. — Народныя пѣсни Волог. губ. I. Свадебныя пѣсни. ibid. 1884 № 4—8; 9) Его же. — Народныя пѣсни — шуточные и любовныя ibid. 1884 № 32, 33, 34—38; 10) Ивановскій К. А. — Свадебные обычаи въ Горюденко-Николаевскомъ приходѣ, Устюжскаго у., Вол. губ. ibid. 1880 № 23, 24; 11) Кличинъ В. Е. — Свадебные обряды въ Кадниковск. у. ibid. 1880 № 53 и 1881 № 8; 12) Его же. — Святки. ibid. 1881 № 4; 13) Кочевъ П. А. — Зырянскіе обычаи ibid. 1848 № 49; 14) Обнорскій П. А. — Народныя пѣсни Вологод. губ. Вол. губ. Вѣд. 1883 № 16, 17, 18; 15) Поповъ К. А. — Замѣтки о свадебныхъ пѣсняхъ Волог. губ. Извѣстія Импер. люб. этнографіи, томъ XIII, выпуск. I; 16) Свирцовъ Л. — Свадебные обычаи и празднества крестьянскаго населенія Тотемскаго у. Вол. Губ. Вѣд. 1880 № 50, 51; 17) Шустиковъ А. А. — Народныя игры Кадников. у. Живая Старина 1895 № 1; 18) Народныя пѣсни Тотемскаго уѣз. Св. Ѡ. Малевинскій, изд. 1912 г.; 19) Святочные обычаи въ Кадников. у. А. Д. Неуступовъ 1913 г. въ Извѣстіяхъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера № 1; 20) П. А. Дилакторскій. — Свадебные обряды Вол. губ. Этнографическое Обзорніе 1903 г.; 21) А. Д. Неуступовъ. — Крестьянская свадьба въ Васьяновской волости, Кадник. у. Вол. губ. Этногр. Обзорніе 1903 г.; 22) А. Пенсинъ. — Народная пѣсня прежде и теперь. — Вологод. уѣз., Волог. губ. волог. Епархіальныя Вѣдом. 1914 годъ; 23) Едемскій. — Свадьба въ Кокшеньгѣ 1913 г.; 24) Св. А. Поповъ — Свадебныя пѣсни Вологодской губерніи съ нотами. Извѣстія Импер. люб. антр. и этнографіи 1914 годъ и др. и др...

прежнія времена. Ихъ рассказы не истоцимы—каждый разъ что нибудь новое, интересное. Они знаютъ много, но хранятъ это, какъ святыню, какъ „ладонку“—лишь только рѣдкому „счастливицу“ выпадаетъ на долю слушать „русскую бабушку“, любоваться ея вдохновеннымъ лицомъ, слушать изъ устъ свидѣтельницы „былого“—„старую истину“.

Грустно становится, когда возьмешь въ руки томикъ „пѣсенъ народной жизни“. Это все, что осталось намъ! Жизнь идетъ впередъ, кто то тщательно замѣчаетъ ея слѣды и даетъ ей все новое, новое направленіе... Вотъ я теперь вспоминаю о „свадебной народной пѣснѣ“. Ее я записалъ два года тому назадъ изъ устъ одной изъ „русскихъ бабушекъ“. Какъ я узналъ, эта старушка покоится вѣчнымъ сномъ, вмѣстѣ съ нею похоронены и пѣсни, которыя я слышалъ отъ нея. Ихъ то и хочу я повѣдать лицамъ, интересующимся „народной пѣсней“.

I.

Въ одномъ изъ домиковъ деревни В., Грязовецкаго уѣзда, Вологодской губерніи, на самомъ краю жила старушка-сваха—бодрая и жизнерадостная. Мнѣ не вѣрилось, что ей 82 года. Станетъ вспоминать старушка прежнее „житье-бытье“, заплачетъ, а потомъ и польются изъ ея устъ безыскусственныя интересныя свадебныя пѣсни, оригинальныя... обычаи и т. п. Рассказы ея захватываютъ тебя, любовь къ „родинѣ“ проникала въ твое сердце отъ ея словъ. О свадьбѣ она рассказывала интересно и просто. Вотъ порядокъ и содержаніе ея разсказа:

а) Сватовство.

Молодому „парнеку“ пришло время жениться. Онъ выбираетъ себѣ „сваху“ изъ немолодыхъ женщинъ и посылаетъ къ дѣвицѣ, которая ему нравится *). „Сватунья“ отправляется къ родителямъ невѣсты и спрашиваетъ ихъ согласія: выдадутъ ли они дочь за *N* человекъ, если они согласны, то она знакомитъ ихъ съ матеріальнымъ состояніемъ жениха и проситъ назначить день, когда родители жениха могутъ пріѣхать осмотрѣть приданое невѣсты. День назначается, въ этотъ день и пріѣзжаютъ женихъ съ родителями и свахой. Женихъ проситъ въ приданое денегъ и „одежы“ для невѣсты, и если невѣста бѣдная, родители ея просятъ уступить. Женихъ, немного „покуръжившись“, соглашается и, въ свою очередь, зоветъ невѣстинныхъ родныхъ осмотрѣть „положеніе“, т. е. состояніе жениха. Здѣсь происходитъ то же, что и у невѣсты; наконецъ, обѣ стороны, удовлетворенныя „осмотромъ“, соглашаются совершить бракъ между своими дѣтьми; молятся Богу и назначаютъ день „пропоѣвъ“. На „пропивки“ съѣзжаются только „сродственники“ со стороны невѣсты, а женихъ дѣлаетъ имъ угощеніе. Здѣсь же окончательно уговариваются о днѣ „сидинъ“ и „свадьбы“.

б) Сидины.

На „сидины“ съѣзжаются гости только со стороны жениха. Они входятъ въ домъ въ сопровожденіи сватуньи, которая спрашиваетъ хозяевъ: „Ждали ли гостей на сегодняшній день?“ Хозяева отвѣчаютъ: „Ждали и милости просимъ, сватуныя любезная“. Сватунья опять спрашиваетъ: „Чѣмъ вы своего дитя надѣляйте“,—они отвѣчаютъ: „Пресвятой Богородицей“. Въ это время выходитъ невѣста, происходитъ благословеніе. Послѣ благословенія всѣ садятся за столъ и поздравляютъ „благословленныхъ“ и родителей съ „нареченными“. За столомъ быва-

*) Я сохраняю мѣстное произношеніе.

еть богатое угощеніе. Лишь стоитъ вспомнить „Крестьянскую пирушку“ нашего знаменитаго поэта Кольцова—фантазія читателя дополнить мое описаніе угощенія.

Послѣ „попойки“ и щедраго угощенія гости разѣзжаются по домамъ. Женихъ для виду вмѣстѣ съ ними тоже уходитъ отъ невѣсты, но потомъ вмѣстѣ со сватушкой снова возвращается. Сватыя говорятъ: „сватушка“ и „свахонька“, мы перчаточки забыли (на самомъ дѣлѣ этого не было). Родители невѣсты отвѣчаютъ: „Если забыли, то пусть находятъ (и называютъ имя жениха). И женихъ выводитъ свою нареченную, которая была спрятана въ своихъ подружкахъ и говоритъ: „Тя-тенька и маменька, подойдите сюда“; родные невѣсты подходятъ, женихъ же продолжаетъ: „тятенька и маменька, кормили вы своего дитя до суженаго, то пропойте и прокормите до злата вѣнца, а если она будетъ плакать и тосковать, то вы извольте ласковыми словами уговаривать“. Женихъ послѣ этихъ словъ, простившись съ невѣстой, уходитъ, невѣста его провожаетъ за двери, ворочается назадъ, схвативши лицо руками, еле выговаривая слова:

Подступитесь, голубушки —
Мои милыя подруженьки.
Вы снимите съ меня цвѣтно-платецо
Да цвѣточки мои алые..

Пока подружки раздѣваютъ ее, она молчитъ, но вотъ приходитъ мать и закрываетъ дочь-невѣсту платкомъ,—дочь вмѣстѣ съ подружками начинаетъ тягуче и монотонно причитать:

Поднялися руки бѣлыя
На мою на буйну голову.
Призакрыла голубушка
Половину свѣта блага;
Разступитесь, голубушки —
Мои милыя подруженьки.
Ужъ вы дайте мнѣ встати
На свои на рѣзвы ноженьки,
На чудочки на бумажныя,
На башмачки на сафьянныя
Мнѣ продти молодешенькѣ
Да ко родимому батюшку.

И ведутъ невѣсту подружки къ отцу и невѣста падаетъ къ отцу, къ ногамъ и начинаетъ плакать, причитая:

Спасибо тебѣ, мой батюшка,
Тебѣ на хлѣбѣ и на солѣ,
И на твоей добродѣтели,
Ты берегъ, мой батюшка,
Отъ вѣтру и отъ вихоря,
Да отъ краснаго солнышка.
И ты не могъ, мой батюшка,
Отъ чужой дальной сторонушки;
Иль—я много вамъ досадила,
Иль сусекъ я хлѣба выѣла,
Иль другой я поразвѣяла..

Подружки подводятъ невѣсту поочереди ко всѣмъ роднымъ съ этимъ же „причетомъ“, только измѣняютъ названіе: братъ, или сестра или кто дорогой.

в) *Подъпешная.*

На другое утро приходятъ подружки и приносятъ [невѣстѣ подарки; одна платокъ, другая денегъ и д.—Невѣста, принимая подарки, начинаетъ причитать, говоря:

Вамъ спасибо, голубушки—
Мои милыя подруженьки,

Что на вашихъ на подарочкахъ.
 Я возьму наши подарочки
 Во свои я руки бѣлыя
 И положу ваши подарочки
 Я во кованый ящичекъ,
 И повезу ваши подарочки
 На чужу дальню сторонушку.
 Растоскуется сердечушко
 На чужой дальней сторонущкѣ
 У меня у молодешеньки.—
 Я возьму ваши подарочки
 Во свои я руки бѣлыя,
 Положму эти подарочки
 Ко сердечку ретивому.

Потомъ подружки пойдутъ топить баню. Зажгутъ какихъ-нибудь
 лучинокъ пять-шесть и, вернувшись назадъ, останавливаются за дверью
 дома и причитаютъ:

Да не гнися ты, полавочка,
 И не домися переводивка,
 Не убойся, красна-дѣвица—
 Ни звѣри къ тебѣ плутъ,
 Ни лютая медвѣдица.
 По тебѣ идутъ, голубушка,
 Твои милыя подруженьки.
 Тебя позвати и почествовати
 Тебя въ теплую *парушу*,*)
 Во теплую *подвѣнечную*.
 У насъ теплая паруша
 Тихонечко топилася,
 Что со дымомъ не мутилася.
 У насъ баня то новая,
 Передбаніе тесовое.
 У насъ двери то стеклянныя,
 Что косяки у нихъ хрустальные;
 У насъ „каменка“ жемчужная.
 А что по низамъ да по лавкамъ—
 Все кувницы да соболи.
 И среди то теплой паруши
 Стоитъ столбичекъ тесовенькой,
 А на этомъ то на столбикѣ
 Стоитъ блюдо серебряное,
 И что въ этомъ то блюдечкѣ
 Три стаканчика хрустальные:
 А что во первомъ то стаканчикѣ
     Вѣдила-то бѣлыя,
 Во второмъ то стаканчикѣ, —
     Мазила то алды,
 И что въ третьемъ то стаканчикѣ
 Твоя дѣвичья красота,
 Твое дѣвичье украшеньце.
 Положи ты руку на скобу,
 Отворяй-а двери на пяту.

Двери дома отворяются, и подруги входятъ въ домъ и одѣваетъ не-
 вѣсту въ баню, подводятъ къ родителямъ на благословеніе. Родители бла-
 гословляютъ дочь образомъ, а подруги причитаютъ жалобнымъ голосомъ:

Что не березка то клонится,
 Да не листья ли разсыпаются,
 То красна дѣвица молится.

Невѣста говоритъ:

Что первый я поклонъ положу
 За Царя я благовѣрнаго,
 И еще поклонъ положу

*) По мѣстному вываженію у насъ „баня“.

За Царицу благовѣрную;
 Я еще поклонъ положу
 За родимаго батюшка
 И за родимую матушку.
 И еще поклонъ положу
 За себя я молодешеньку,
 И еще поклонъ положу
 За чужево-чужевничка,
 Что за сына отцакаго,
 За грозу я молодецкую.

Подружки ведутъ невѣсту въ баню, а одна изъ нихъ, какъ бы раз-
 метая дорогу имъ, причитаетъ:

Ты свѣти, свѣтель мѣсяць,
 Во всю ноченьку темную.
 Да не ступить бы молодешенькѣ
 Во коньвую ступенечку,
 Не сронить бы молодешенькѣ
 Мнѣ дѣвичью красоту,
 Мнѣ дѣвичье украшеньицо.

Всѣ входятъ въ баню. Въ банѣ подружки, расплетая косу невѣ-
 стѣ, пригѣваютъ:

Ты катися, руса коса,
 Съ плеча ты на плечо,—
 Съ праваго—на лѣвое,
 Ты подкатися, руса-коса,
 Ко сердечушку ретивому.

Выходятъ изъ бани, причитая тотъ причетъ, съ которымъ вошли
 въ баню. Дома они раздають дѣвью красоту: какія нибудь ленточки
 цвѣточки подъ причетъ:

Я отдамъ дѣвичью красоту,
 Свое дѣвичье украшеньицо
 Своимъ милымъ подруженькамъ.
 Вы носите, голубушки,
 Мою дѣвичью красоту
 И съ косы не выплетайте,
 Меня вы чаще вспоминайте.
 Вспомяните, голубушки,
 Хотя въ часокъ одиноа,
 А если часто вамъ покажется,
 То въ денечикъ одиноа,
 А если часто покажется,
 Хотя въ недѣлю одиноа,
 А если часто покажется,
 Хотя въ голочекъ одиноа.
 А я возму свою дѣвичью красоту
 Во свои я руки бѣлыя
 И снесу дѣвичью красоту
 Во лѣса я во дремучіе,
 И повѣшу свою красоту
 На березку на кунеливую.
 Тутъ придуть же добры молодцы
 Съ топорами со вострыми,
 Подебькутъ эту березоньку,
 И покалится моя красота.
 Это чья же дѣвичья красота?
 Она не честно изношена,
 Что не къ мѣсту положена.
 Тутъ ей не мѣсто, ни мислечко,
 Не житье ей вѣковѣчное.
 И возьму я дѣвичью красоту
 Во свои я руки бѣлыя,
 Отнесу я свою красоту
 Во луга я во зеленые.

И положу свою красоту
 На траву я на зеленую...
 Тутъ придуть-же добры молодцы
 Со косами со вострыми.
 Подкослять же эту травоньку.
 И покатыся вмѣстѣ съ травонькой
 Моя красота дѣвичья!
 Эта чья же дѣвичья красота?
 Она не честно изношена
 Да не къ мѣсту положена...
 Я возьму же свою красоту
 Во свои я руки бѣлыя.
 Я снесу жъ -- свою красоту
 Что къ Николѣ ко Святителю.
 Я положу свою красоту
 За престолъ я Божьей Матерѣ.
 Стануть люди ходить,
 Они Богу молиться...
 Это чья же дивичья красота?
 Она честно изношена.
 Она къ мѣсту положена.
 Тутъ ей мѣсто и мѣстечко,
 Тутъ житье ей вѣковѣчное.

г) Свадьба.

Изъ близкихъ родственниковъ жениха выбираютъ болѣе веселаго, онъ и исполняетъ роль „дружки“. Дружка, прїѣзжая за невѣстой, говоритъ: „здравствуйте, сватушко и свахонька, я пришелъ дружка младъ не умѣю врать, пожалуйста мнѣ въ опояску платъ; кружку пива и соли, и хлѣба“. Ему подають; онъ, опоясавши себя платкомъ-полотенцомъ, беретъ кружку пива и хлѣбъ съ солью и идетъ встрѣчать гостей, съ которыми потомъ онъ отправляется въ ближайшую церковь, гдѣ и состоится свадьба. На другой день „дружка“ поджидаетъ, когда встанутъ молодые и вмѣстѣ съ ними идетъ пить чай. Въ это время приносятъ свѣжій недержанный вѣнникъ и предлагаютъ его купить новобрачнымъ. Вѣнникъ покупается за 5 рублей или болѣе и дѣлають „литки“—пьютъ вино и закусывають. Послѣ закуски топятъ баню, куда и ведутъ на пѣсколько времени новобрачныхъ „дружка“. Приходитъ родня жениха, и всѣ садятся снова за угощеніе, а женихъ съ невѣстой ходятъ вокругъ стола и усердно угощаютъ. Этотъ столъ зовется „Невѣстино Красное“...

Долго веселятся родственники новобрачныхъ—только на третій, на четвертый день они разъѣзжаются...

„И я тамъ у нихъ на свадьбѣ была, медъ, пиво пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало... съ шуткой заканчивала старушка...“

А. Непенинъ.

Яренское земство и нефть на Ухтѣ.

Путевыя замѣтки особаго совѣщанія Яренскаго уѣзднаго земства при поѣздкѣ въ мартѣ мѣсяцѣ 1914 года на Ухту.

I.

14 марта 1914 г., въ 9 час. утра изъ города Яренска выѣхало на рѣку Ухту къ величайшимъ нефтянымъ залегамъ особое совѣщаніе яренскаго уѣзднаго земства.

Совѣщаніе состояло изъ предсѣдателя яренскаго уѣзднаго земскаго собранія, предсѣдателя уѣзднаго сѣзда С. И. Турбина, предсѣдателя яренской уѣздной земской управы В. В. Воинова и старшаго бухгалтера управы В. А. Бѣлоусова-Милорадовича. Въ составъ этого совѣщанія входили также выѣхавшіе 11 и 12 марта членъ управы П. А. Ворсинъ и дорожно-строительный техникъ В. В. Скоковскій.

Погода поѣздкѣ совѣщанія благоприятствовала: день выдался удивительно хорошій, солнечный, съ легкимъ бодрящимъ морозомъ. Солнышко весело сіяло, посылая свои живительные лучи на просыпающуюся отъ тяжелаго, долгаго зимняго сна богатую сѣверную природу. Въ воздухѣ и во всемъ окружающемъ чувствовалась близость весны. По хорошей зимней дорогѣ подь однообразный скрипъ полозьевъ саней и подь чарующе-заунывные, монотонно скучные звуки колокольчиковъ незамѣтно какъ промелькнуло небольшое разстояніе, когда прибыли въ большую зырянскую деревню Межогъ, отстоящую отъ гор. Яренска въ 20 верстахъ и расположенную въ одной верстѣ отъ рѣки Вычегды, съ населеніемъ въ 700 человекъ. Деревня эта ничего особеннаго изъ себя не представляетъ и если отличается отъ обыкновенныхъ русскихъ селеній, то исключительно лишь тѣмъ, что одну половину ея населяютъ русскіе, а другую—зыряне. Характернымъ признакомъ зырянскихъ селеній вообще, а въ частности жилищъ отдѣльныхъ зырянъ-домохозяевъ являются ихъ постройки, архитектура которыхъ отличается той особенностью, что дома, обыкновенно, дѣлятся на три части: двѣ третьи ихъ (по угламъ съ лицевой стороны), приблизительно, отводятся подь жилище, а осталъная третья часть, средина дома, отводится для скота. Крыша всѣхъ построекъ плоская, съ малозащищеннымъ покатомъ въ обѣ стороны. Небольшія окна дѣлаются разныхъ размѣровъ и располагаются безъ соблюденія какой-либо симметріи: то высота ихъ доходитъ до аршина съ небольшимъ, а то уменьшаются до полуаршина.

Перемѣнивъ въ Межогѣ лошадей, совѣщаніе также быстро миновало и второе зырянское селеніе Жешартъ, съ числомъ жителей въ 900 челов. Въ селѣ этомъ имѣется благоустроенная каменная церковь, волостное правленіе и фельдшерскій пунктъ. Вблизи села находится большій по занимаемому пространству и богатый внутреннимъ содержаніемъ залежи желѣзной руды. Слѣдующею остановкою было большое село Гамъ, въ коемъ при 600 ч. жителей имѣется вмѣстительная церковь и прекрасная двухклассная учительская школа духовнаго вѣдомства.

Продолжая далѣе путь на перемѣнныхъ лошадяхъ, при довольно быстрой ѣздѣ прибыли въ дер. Айкино, находящуюся въ 60 вер. отъ гор. Яренска, съ числомъ жителей въ 1500 чел. Здѣсь имѣется хорошо оборудованная ремесленная школа, прекрасная издѣлія которой по красотѣ своего стила и изяществу отдѣлки пользуются вполне заслуженною популярностью далеко за предѣлами яренскаго уѣзда.

Наслаждаясь здоровымъ воздухомъ яснаго весенняго дня, совѣщаніе около 3 часовъ дня было уже въ 85 вер. отъ гор. Яренска, въ большомъ селѣ Устьвымѣ, имѣющемъ свое исторически-знаменитое прошлое, гдѣ самобытность Сѣвера перемѣнивалась съ настоящею культурною жизнью.

Село Устьвымѣ, широко раскинувшееся на мало возвышенной равнинѣ при слияніи рѣки Выми съ Вычегдою, имѣетъ свыше 1500 чел. жителей. Село это большое, торговое, съ прекрасно оборудованными

ремскою школою и больницею, а также волостнымъ правленіемъ и почтово-телеграфнымъ отдѣленіемъ. Далеко въ прошломъ здѣсь была резиденція св. Стефана Пермскаго, побѣдившаго силою своей вѣры—прохожденіемъ черезъ огонь—языческаго кудесника Пама. До настоящаго времени Устьвымъ сохранилъ въ народѣ самыя свѣтлыя преданія о просвѣтительной дѣятельности св. Стефана Пермскаго. Воздвигнутыя же имъ святыя церкви служатъ прекрасными памятниками старины и своими простыми, но красивыми контурами чаруютъ взоры любителей стариннаго русскаго зодчества.

Въ Устьвыскомъ соборѣ до сихъ поръ сохранилась кафедра 13-ти бывшихъ здѣсь епископовъ. Кромѣ собора, въ Устьвымѣ есть еще 4 хорошихъ церкви.

Въ 6 час. вечера совѣщаніе тронулось далѣе въ путь, миновавъ расположенную въ 2-хъ верстахъ отъ Устьвыма по р. Вычегдѣ дер. Вогваздино и большую дер. Ибъ, въ 7½ час. вечера прибыло въ большое торговое село Серегово. Село это расположено на склонахъ крутого берега р. Вымы, который зигзагами и причудливыми изгибами спускается къ рѣкѣ. Раскинулось оно на довольно красивой мѣстности съ сухимъ и здоровымъ воздухомъ, среди хорошаго сосноваго, въ перемежку съ елями и пихтами, лѣса. Имѣетъ 1500 челов. жителей.

Въ Сереговѣ имѣется солеваренный заводъ, запущенный его владельцами, но имѣющей свою прошлую славу. Заводъ эксплуатируется арендаторомъ, который продаетъ населенію неочищенные сорта соли по цѣнѣ первосортной—40—45 коп. за пудъ. Соленая вода добывается изъ одной уцѣлѣвшей здѣсь изъ бывшихъ девяти скважинъ съ глубины 170 саж. Вода эта при помощи самыхъ примитивныхъ машинъ по проржавленнымъ трубамъ, давно нуждающимся въ капитальномъ ремонтѣ, поднимается наверхъ. Добыча соли носить первобытный характеръ и производится посредствомъ вывариванія. Вода содержала въ себѣ до 15% соли, но смѣшивалась черезъ трубы съ почвенными водами, теряла процентъ содержанія соли, понизившейся нынѣ до 8%. По даннымъ компетентныхъ лицъ, разсолъ этотъ богатъ насыщенъ сѣрными парами и весьма радиоактивенъ. По мнѣнію же мѣстныхъ врачей, г.г. Волка, Фабрикантъ и др., названная вода обладаетъ высокою цѣлебною силою, далеко превышающею своею активностью такую же силу водъ, существующихъ сѣверныхъ русскихъ курортовъ, какъ, напр., Леденгска, Тотемскаго уѣзда, и др. По разсказамъ мѣстныхъ обывателей, вода эта очень быстро вылѣчиваетъ совершенно самыя застарѣлыя ревматизмы, подагры и другія хроническія болѣзни. Мѣстное населеніе, сожальѣя о своемъ отказѣ иренскому земству въ отводѣ небольшой площади земли подъ постройку больницы, оборудованной нынѣ въ с. Устьвымѣ, въ настоящее время преполнено желаніемъ, чтобы земство открыло здѣсь въ с. Сереговѣ хотя бы небольшую, на первое время, курортъ. Красивая же мѣстность с. Серегова несомнѣнно послужила бы главнымъ залогомъ къ скорѣйшему развитію курорта. Незначительныя средства, необходимыя для подробныхъ изслѣдованій скрытыхъ цѣлебныхъ силъ, едва ли могли бы лечь тяжелымъ бременемъ на бюджетъ иренскаго земства. Если же изслѣдованіе подтвердитъ циркулирующіе слухи о цѣлебной силѣ соленыхъ петочниковъ, то вмѣстѣ съ устройствомъ соле-лечебницы необходимо будетъ устроить земскій солеваренный заводъ. Эта послѣдовательная организація двухъ крупныхъ предпріятій, безусловно, воиогѣ отвѣчая самымъ насущнымъ потребностямъ всего сѣ-

вернаго края и не противорѣча основнымъ принципамъ земскихъ мѣропріятій, оживила бы до нѣкоторой степени весь край, и, во всякомъ случаѣ, расходы на эти предпріятія не внесли бы дефицита въ солидный бюджетъ богатаго земства. Устройство курорта въ Сереговѣ является самой назрѣвшей потребностью: это есть дѣло первой и необходимой жизненной важности и не только для мѣстнаго населенія яренскаго уѣзда, но и населенія всей губерніи, ибо вода своими цѣлебными качествами какъ бы сама приходитъ на помощь къ больнымъ людямъ, излѣчивая многія болѣзни и недуги, предъ которыми и настоящая медицина бессильна. Вологодскому губернскому земству, производившему въ 1910 г. экономическое обследованіе мѣстностей, прилегающихъ къ воднымъ путямъ губерніи, слѣдовало бы также обратить особое вниманіе и на эту отрасль промышленности, могущую получить широкое развитіе.

Изъ Серегова на перемѣнныхъ лошадяхъ совѣщаніе отправилось въ дальнѣйшій путь и въ 10 час. вечера прибыло въ село Княжпогость. Это большое село, съ населеніемъ въ 1500 чел., бывшая резиденція князей Удорскихъ и Обдорскихъ, развалины замка коихъ находятся невдалекѣ отъ Княжпогоста. Въ этомъ селѣ есть каменная церковь, земская школа, фельдшерскій пунктъ и волостное правленіе. Особыхъ достопримѣчательностей, оставшихся отъ бывшихъ временъ, замѣтить не удалось.

Утромъ 15 марта совѣщаніе въ Княжпогостѣ на земской станціи встрѣтило члена устьсысольской земской управы г. Макарова, возвращающагося изъ поѣздки на Ухту, который сообщилъ, что дорога отъ Синдора на Ухту мало паѣзжена, что по ней въ удобныхъ саняхъ проѣхать будетъ трудно, и что, наконецъ, онъ, предупрежденный о поѣздкѣ совѣщанія, нанялъ для него вольныхъ лошадей за счетъ содержателя земской станціи, и рекомендовалъ взять съ этой станціи сани размѣромъ поменьше. Затѣмъ г. Макаровъ добавилъ, что наблюденіе устьсысольской управы за этими далеко лежащими на территоріи Яренскаго уѣзда станціями дѣло совсѣмъ ей неподручное, и что управа была бы очень рада, если бы яренское земство взяло на себя трудъ по наблюденію за этими станціями, такъ какъ она, т. е. устьсысольская управа, въ виду громадной территоріи уѣзда, почти лишена всякой возможности имѣть необходимый за станціями надзоръ, представители яренскаго земства высказали, что въ принципѣ они съ этимъ согласны, тѣмъ болѣе, что яренскимъ земствомъ возбужденъ нынѣ вопросъ объ отпускѣ изъ казны 240 тысячъ руб. на соединеніе Ухты постоянной колесной дорогой.

Въ 7 часовъ утра совѣщаніе снова тронулось въ путь, дорога оказалась малонаѣзженной, но все же была настолько удовлетворительна, что ѣхать по ней было вполне возможно. Пролегаетъ она по просѣлкѣ между зарослями вырубленнаго сосноваго и еловаго лѣса.

Погода начала понемногу хмуриться: изрѣдка набѣгали небольшія темныя тучки.

Черезъ 1½ часа уже подъѣхали къ земской избѣ „Ракнасъ“, выстроенной въ 17 вер. отъ Княжпогоста на рѣкѣ Кыловѣ.

Перемѣнивъ лошадей, отправились къ конечной цѣли нашего пути. Дорога проходила по той же просѣлкѣ: иногда боромъ между безконечной зарослью и ломомъ, иногда незначительными болотами по довольно прямой линіи, съ небольшими уклонами въ сторону. На этой части дороги крутыхъ неудобныхъ подъемовъ и уклоновъ не было. Спуски же

и подъемы на протекающихъ на пути рѣкахъ—„Дунь-Вожь“ и „Вой-Вожь“—были неустроены, круты и неудобны; кромѣ того, на нихъ было много рывинъ и ухабовъ. Земская изба на рѣкѣ „Вой-Вожь“ отстоитъ отъ избы „Ракпасъ“ въ 27 вер.

Послѣ небольшой остановки, смѣнивъ лошадей, поѣхали дальше и въ 3 часа дня прибыли въ дер. Синдоръ, расположенную на рѣкѣ „Симвѣ“, вытекающей изъ изобилующаго разными рыбами озера „Синдоръ“. Озеро это находится вблизи деревни Синдоръ; это довольно большая деревня съ чрезвычайно запутаннымъ планомъ, беспорядочными улицами-переулками и тяжелымъ типомъ построекъ.

Дорога отъ Синдора продолжала идти тою же безконечной просѣлкой съ одинаковыми характерными мѣстными породами деревьевъ и, не доходя версты на 10 до Ропчи, пошла черезъ широкое болото, длиною версты на восемь. Мѣстность эта при проведеніи лѣтней грунтовой дороги потребуетъ большихъ денежныхъ затратъ на осушеніе, дренажъ и засыпку гатей.

Вечеромъ нависли тяжелыя, свинцовыя тучи, закрывшія весь небесный сводъ, пошелъ большими хлопьями мокрый снѣгъ, ѣхать становилось труднѣе, лошади едва бѣжали мелкой, дробной рысцою и часто останавливались.

Близъ рѣки „Есеръ“, одно и то же „Вись“, дорога пошла болотистою мѣстностью съ жидкою растительностью тощихъ плочекъ и сосенъ. При постройкѣ грунтовой дороги въ этой мѣстности, несомнѣнно, потребуются большія затраты: по проконкѣ канавъ, устройству гатей, а также и по устройству мостовъ.

Наконецъ добрались до ст. Ропча—первой земской избы Устьсы-сольскаго уѣзда, довольно грязной и выстроенной на крутомъ берегу Ропчи. Изба эта находится въ 30 вер. отъ Синдора и 75 вер. отъ Ухты. Здѣсь совѣщаніе ждало разочарованіе: вопреки увѣреніямъ члена управы устьсысольскаго земства г. Макарова, приготовленныхъ лошадей не оказалось. На ст. Ропча находилось всего лишь 5 лошадей, а на послѣдующихъ за нею станціяхъ ихъ вовсе не было. Такимъ образомъ, совѣщанію пришлось ѣхать на заморенныхъ лошадяхъ около 180 версты (до Ухты 74 версты и обратно до Синдора 104 версты). Отсутствіе на станціяхъ лошадей не давало возможности ѣхать безъ задержки. Рѣшивъ, во всякомъ случаѣ, продолжать путь и взявъ всѣхъ имѣющихся на станціи лошадей, поѣхали дальше. Мокрый снѣгъ продолжалъ падать, дорога стала портиться, и движеніе сдѣлалось тяжелымъ—лошади часто останавливались, едва тащили наши новозки шагомъ. Уклоновъ и подъемовъ на этой значительной части пути не было. Спуски на рѣкахъ „Нортъ-Баръ“ и „Мысь-Ю“ были круты и неустроены.

На этой части просѣки были прорыты глубокія канавы, которыя ясно были видны чрезъ покровъ такой значительной снѣжной массы, и построены черезъ множество протекающихъ ручьевъ новыя и прочныя деревянныя мосты съ массивными окрашенными и выходящими изъ снѣга перилами.

На нѣкоторыхъ мостахъ, несмотря на дикую глушь, все ихъ железное скрѣпленіе—болты, гайки, скобы и проч. — были кѣмъ-то вырублены изъ дерева и похищены. Во время весеннихъ разливовъ на этихъ рѣчныхъ ручьяхъ вода поднималась очень высоко и нынѣ при такомъ громадномъ количествѣ выпавшаго снѣга вода должна быть особенно

высокой, и весной всѣ мосты, лишенные скрѣпленій, по всей вѣроятности, будутъ снесены, если не будутъ своевременно исправлены.

Наконецъ, въ 11 час. ночи, черезъ восемь часовъ ѣзды, совѣщаніе дотачилось до избы на рѣкѣ „Чинья-Ворыкъ“, отстоящей въ 24 вер. отъ избы „Ронча“. Станціонная земская изба такая же грязная, какъ и предыдущая. На этой станціи переночевали и рано утромъ 16 марта вновь отправились въ путь. Дорога шла тою же просѣкою, по характеръ мѣстности значительно измѣнился, стали попадаться, хотя и не особенно крутые, но очень длинные подъемы и спуски. Погода такъ же, какъ и вчера, была очень пасмурная, временами падалъ хотя и рѣдкій, но мокрый снѣгъ, временами же послѣ нѣкоторыхъ промежутковъ онъ шелъ большими и крупными хлопьями.

Ожидался дождь, который могъ бы совсѣмъ испортить мало паѣзженную дорогу, по которой предстояло возвращаться обратно.

Въ 20 верстахъ отъ избы Чинья-Ворыкъ на крутомъ, съ неустроеннымъ спускомъ берегу рѣки „Тобысь“ выстроена земская изба, внѣшній видъ которой былъ очень не презентабеленъ, внутренній же — прямо поражалъ своею грязью и неопрятностью. Внутри избы стѣны, потолокъ, полки и кое-какая примитивная мебель сильно прокопѣли и покрылись толстымъ слоемъ пыли. Къ такимъ грязнымъ стѣнамъ безъ чувства брезгливости и отвращенія совершенно нельзя было подойти, а между тѣмъ совѣщанію при возвращеніи съ Ухты предстояло здѣсь ночевать. Когда же подали самоваръ, то при немъ была собрана такая грязная посуда, до которой никто изъ присутствующихъ не рѣшился дотронуться. Вопреки горячему желанію совѣщанія, тотчасъ выѣхать изъ Тобыся оказалось невозможнымъ, такъ какъ потребовалась выкормка лошадей, и надеждамъ на скорое прибытіе на Ухту не суждено было осуществиться, такъ какъ по крутымъ и высокимъ отрогамъ Тиманскаго хребта пришлось ѣхать медленно. Чѣмъ ближе подвигались къ Ухтѣ, тѣмъ Тиманскія горы становились круче, и тѣмъ труднѣе было усталымъ лошадямъ втягивать повозки на эти громады.

Проводить дорогу по этой части просѣки безъ дополнительнаго изысканія другого пути было бы едва ли цѣлесообразно, хотя, несомнѣнно, провести болѣе удовлетворительную дорогу, которая бы миновала крутые подъемы и тѣмъ самымъ дала бы удобное сообщеніе съ ухтенскимъ нефтеноснымъ райономъ, въ этой мѣстности возможно, но для этого потребуется нѣкоторое отклоненіе дороги отъ нынѣ существующаго направленія версты на 4—6.

Наконецъ, послѣ труднаго пути въ 3 часу дня 16 марта совѣщаніе добралось до избы перваго піонера Сидорова, расположенной при впаденіи рѣки „Нефть-Юль“. Изба эта стоитъ заколоченной одна на крутомъ высокому берегу рѣки Ухты, недалеко отъ дома и поселка князя Мещерскаго; выстроенная же нѣсколько лѣтъ тому назадъ вмѣстѣ съ избою казарма рабочихъ въ прошлое лѣто уничтожена пожаромъ. Кругомъ избы, въ виду выпавшаго толстаго слоя снѣга, не было видно никакихъ признаковъ добычи здѣсь нефти. Но, несмотря на это, въ воздухѣ пахло нефтью. Спустившись по крутому берегу на рѣку Ухту, замѣтили, что на другомъ берегу ей имѣется ничѣмъ не защищенная скважина. Къ скважинѣ вела уже проторенная дорога, служащая, очевидно, для подъѣзда за нефтью. Никакихъ построекъ у скважины не оказалось.

Совѣщаніе вышло изъ саней и направилось къ скважинѣ. Въ полутора аршинахъ отъ поверхности земли въ трубѣ, дюймовъ 10—12 въ діаметрѣ, кишѣла и пѣнилась черная тягучая масса, пуская пузырь и издавая присущій нефти запахъ. Опущеннымъ въ скважину берестянымъ черпакомъ нефти добыть не удалось. Когда же вынули черпакъ, то съ него медленно стекала густая черная масса. Потомъ въ эту скважину опустили лежащій здѣсь свѣжесрубленный сосновый колъ. По извлеченіи кола изъ скважины онъ былъ покрытъ толстымъ слоемъ нефти, которая стекала съ него медленно широкими толстыми струями. Когда же къ колу поднесли зажженную спичку, то находящаяся на немъ черная, тягучая, липкая масса загорѣлась медленнымъ огнемъ и, стекая съ кола на снѣгъ, гасла. Вокругъ скважины весь снѣгъ былъ залитъ нефтью.

Послѣ осмотра этой скважины, совѣщаніе отправилось далѣе на казенный поселокъ, расположенный въ двухъ съ небольшимъ верстахъ отъ избы Сидорова и перешедшій затѣмъ во владѣніе русскаго товарищества „Нефть“. На пути слѣдованія къ поселку проѣзжали мимо высокой казенной вышки со скважиной № 1. Осмотръ этой скважины былъ отложенъ до слѣдующаго дня. Черезъ нѣсколько минутъ совѣщаніе прибыло къ завѣдывающему поселкомъ товарищества г. Клаусу, который принялъ совѣщаніе очень радушно.

Помѣщенія г. Клауса какъ внутри, такъ и снаружи были со вкусомъ украшены оленьими рогами, разными чучелами и крыльями птицъ: гусей, лебедей, гагаръ, утокъ, рябчиковъ и тетеревей и разными окаменѣлыми ракушками, которыхъ на Ухтѣ встрѣчается много.

Отсюда совѣщаніе съ г. Клаусомъ поѣхало осматривать работы на вновь заложенную въ 9-ти верстахъ отъ этого поселка скважину русскаго товарищества „Нефть“.

На другой сторонѣ Ухты (она въ этомъ мѣстѣ описываетъ большую кривую линію, въ видѣ чулка) имѣется развѣдочная вышка инженера А. Г. Гансберга. Когда совѣщаніе спустилось на р. Ухту, то была замѣчена скважина, пробурованная на берегу рѣки около самой воды. Изъ трубы скважины все время выливалась въ небольшомъ количествѣ нефть, и выдѣлялись газы, которые, поднимаясь, исчезали въ воздухѣ.

Въ трехъ верстахъ отъ казенной вышки № 1 въ р. Ухту съ правой стороны впадаетъ рѣка Ярега, берега которой содержатъ въ себѣ нѣсколько естественныхъ выходовъ нефти. На разстояніи одной версты отъ р. Яреги и четырехъ верстъ отъ казенной скважины № 1 въ рѣку Ухту, съ лѣвой стороны, впадаетъ рѣка „Чуть“, протекающая между высокихъ, красивыхъ горъ съ берегами, также изобилующими естественными выходами нефти.

Завернувъ съ р. Яреги на рѣку Чуть, совѣщаніе увидѣло необыкновенной красоты правый берегъ, грандіозно выступающій высоко надъ рѣкою. Берегъ состоялъ изъ разныхъ породъ сланцевъ, доманниковъ и другихъ цѣнныхъ ископаемыхъ и былъ такъ красивъ, что у всѣхъ насъ явилось желаніе запечатлѣть свое пребываніе у подножія этой величественной горы, но, къ сожалѣнію, въ это время не оказалось фотографическаго аппарата. Невдалекѣ отъ устья рѣки Чути, на ея лѣвомъ берегу, стоитъ маленькая, высотой сажени въ 4—5, вышка со сторожевыми и иными постройками, составляющими небольшой поселокъ, принадлежащій Ея Императорскому Высочеству Великой Княгини Маріи Навловны. Работы на поселкѣ въ настоящее время не

производятся. Живуть здѣсь одни сторожа, которые сообщить совѣщанію что-либо интересное о бывшихъ работахъ на вышкѣ не могли, а потому и пришлось проѣхать дальше, въ мѣстность Архангельской губерніи, на заявки русскаго товарищества „Нефть“, гдѣ въ то время производились работы. На томъ же лѣвомъ берегу рѣки Чути заложены три скважины „фонъ Вангеля“, одна изъ нихъ съ естественнымъ выходомъ нефти. Работъ на нихъ въ настоящее время не производится, но, по частнымъ свѣдѣніямъ, вполне заслуживающимъ вниманія, во всѣхъ скважинахъ на небольшой, сравнительно, глубинѣ имѣется нефть хорошаго качества. Въ виду недостатка свободнаго времени, пришлось отказаться отъ желанія осмотрѣть всѣ скважины „фонъ Вангеля“. Кромѣ скважинъ, заложенныхъ на рѣкѣ Чути, г. фонъ-Вангелемъ заложены еще пять скважинъ на р. Ярегѣ, „Половинъ-Юль“ и др. мѣстахъ.

Въ одной верстѣ отъ вышки русскаго товарищества „Нефть“ есть постройка, принадлежащая поселку товарищества и занимаемая мастеромъ буренія—американцемъ, который только что возвратился съ вышки по окончаніи работъ. Г. Клаусъ вышелъ изъ саней и отправился просить мастера-американца показать намъ, какъ производится буреніе. Американецъ въ этой просьбѣ отказалъ, заявивъ, что разъ онъ кончилъ работу, то уже вновь начать въ тотъ же день се не можетъ. Впоследствии оказалось, что онъ съ успѣхомъ могъ бы показать работы буренія, такъ какъ и люди еще не разошлись, и пары въ котлахъ были, буровая машина и динамо могли работать. По пріѣздѣ въ поселокъ насъ радушно встрѣтилъ довѣренный товарищества, завѣдывающій работами, производимыми на осматриваемомъ нами отводѣ—А. М. Головинъ, и сообщилъ, что полчаса тому назадъ уѣхала коммисія изъ гор. Архангельска, состоящая изъ печорскаго исправника и становаго пристава. Совѣщаніе, въ сопровожденіи г. Головина направилось осматривать машинное отдѣленіе, которое освѣщается электричествомъ. Машинное помѣщеніе выстроено на скатѣ горы, на берегу рѣки Чути, недалеко отъ воды; только что построенное изъ хорошаго и толстаго лѣса чистенькое зданіе вышки выглядитъ довольно прочно и основательно. Осматривая всѣ эти постройки невольно думается, что все это не временныя развѣдочныя помѣщенія, а нѣчто болѣе солидное. Буреніе машинами производится самымъ дешевымъ канатнымъ способомъ, по американскому типу и американскими же машинами. Войдя въ помѣщеніе вышки, мы увидѣли, что оно все занято буровыми машинами.

А. И. Головинъ сказалъ, что только вчера на глубинѣ 92 саж. показались незначительныя „пары“. Когда же съ разрѣшенія управляющаго была поднесена зажженная свичка къ ибнящейся трубѣ, послѣдовалъ слабый взрывъ газовъ, которые моментально загорѣлись яркимъ пламенемъ, скоро погасшихъ. При повтореніи нѣсколько разъ этого опыта, каждый разъ нефтяные газы послѣ легкаго взрыва вспыхивали и, погорѣвъ немного, гасли. Опытъ этотъ удивилъ и обрадовалъ управляющаго, удивилъ потому, что онъ не ожидалъ, чтобы сегодня же газы могли горѣть, предполагая, что это явленіе должно было произойти не раньше, какъ черезъ двѣ или три недѣли, а обрадовалъ потому, что очень скоро появились газы, указывающіе на близкое присутствіе сильныхъ и мощныхъ залежей нефти. Объ этомъ явленіи онъ на слѣдующій же день рѣшилъ послать телеграмму въ С.-Петербургъ правленію обще-

ства. При вышкѣ уже построены и еще строить новыя деревянные баки для помѣщенія запасовъ ожидаемой нефти. Въ настоящее время запасы верховой, то есть болѣе плотной, нефти у т-ва не велики, не больше пудовъ 100—150. Образцы этой нефти въ 6-ти бутылкахъ со-вѣщаніе захватило съ собою и привезло въ Яренскъ.

Затѣмъ пошли осматривать кладовыя и инструментныя, въ кото-рыхъ запасы буровыхъ частей и осадочныхъ трубъ оказались незначи-тельными. Полное же оборудованіе запасныхъ частей, какъ сообщилъ о томъ управляющій, еще не получено и ожидается настоящимъ лѣтомъ. По сообщенію г. Головина настоящая скважина размѣромъ 12 дюймовъ заложена русскимъ товариществомъ „Нефть“ съ надеждою получить фонтанобьющую нефть въ большомъ количествѣ, подобно бакинской. Труба же указаннаго размѣра въ діаметрѣ опущена въ скважину на незначительную глубину, при чемъ діаметръ скважины, по мѣрѣ углубленія, все уменьшается въ размѣрѣ, и на глубинѣ 95 саж. буреніе происходитъ лишь 4-хъ дюймовымъ буровымъ зубиломъ. Если буреніемъ до 100—125 саж. не будетъ достигнуто какого-либо серьезнаго результата, хотя трудно допустить, чтобы 4-хъ дюймовымъ зубиломъ была достигнута глубина въ 125 саж., то тутъ же рядомъ съ первою скважиною будетъ заложена другая—съ большимъ діаметромъ, въ 22—24 дюйма и во всякомъ случаѣ не менѣе 18-ти дюймовъ. На буреніе будетъ обращено самое серьезное вниманіе, и скважина будетъ доведена до 250—400 саж. глубины. На вопросъ о количествѣ добываемой нефти г. Головинъ сообщилъ, что нефть появилась при выкачиваніи на глубинѣ 40—50 саж. дебетомъ до 100 пуд. въ сутки. По мѣрѣ углубленія количество нефти все увеличивалось, и съ виду она дѣлалась чище (прозрачнѣе и легче).

Въ виду поздняго времени, въ 10 час. вечера мы распростились съ любезнымъ хозяиномъ и отправились почевать въ поселокъ товарищества. Въ верстѣ съ небольшимъ отъ поселка находится скважина № 3. Осмотрѣть подробно эту вышку и произведенныя въ ней работы, въ виду поздняго времени, не представилось возможнымъ. Согласно даннымъ горнаго департамента, объ этой скважинѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія: „въ скважинѣ № 3 по рѣкѣ Чуть, начатой буреніемъ въ августѣ мѣсяцѣ 1912 г., въ концѣ сентября того же года съ глубины 71 сажени забилъ фонтанъ нефти съ водою вышиною до 15 саж., который билъ въ продолженіе 10 дней“. По слухамъ, онъ и по сіе время периодически дѣйствуетъ. Къ сожалѣнію, дебетъ нефти намъ неизвѣстенъ. При заложеніи этой скважины такъ же, какъ и скважинъ № 1 и 2, казна, видимо, прослѣдовала исключительно только научную цѣль для выясненія построеній антиклинала.

Возвратившись на предположенный почлегъ, мы, долго разговаривая между собою, дѣлились впечатлѣніями о видѣнномъ и строили предположенія о великомъ значеніи ухтенской нефти и о будущемъ расцвѣтѣ мѣстности р. Ухты вплоть до возникновенія здѣсь значительнаго города.

Утромъ 17 марта погода была теплая. Небо было покрыто тяжелыми темными тучами. Дулъ легкій вѣтерокъ, и съ сѣвера проглядывала узенькая, едва замѣтная, полоска темнаго неба. Ожидали, что поднимающійся вѣтеръ разгонитъ тучи, и много подморозитъ. Въ сопровожденіи О. М. Клауса совѣщаніе отправилось осматривать казенную скважину № 1. Въ разстояніи 150 саж. отъ поселка, на срединѣ полу-

острова р. Ухты, на значительно возвышенной противъ береговъ мѣстности расположена казенная № 1 вышка. Работы на вышкѣ въ настоящее время прекращены, машины увезены, караулъ снятъ, и сама вышка покривилась, сдвинулась на бокъ и угрожаетъ даже паденіемъ. Двери вышки незаколочены и открыты. Близъ дверей изъ-подъ вышки ручьемъ вытекаетъ вода съ темными пятнами. Все ложе, гдѣ протекаетъ вода, покрыто какою-то темною затвердѣвшею массою. Въ воздухѣ сильно пахнетъ нефтью. Войдя въ зданіе вышки, мы увидѣли лишь одну 14-ти дюймовую трубу, опущенную въ землю. Изъ трубы скважины, поднимающейся на поларшина надъ землею, слегка пѣнясь, широкою массою обильно вытекала вода, которая, быстро падая на землю, образуетъ маленькій водопадъ. Проходя черезъ трубу и падающую воду, нефтяные газы производили впечатлѣніе закипающей воды и, быстро поднимаясь вверхъ, до вышины 2-хъ футовъ, пезамѣтно растворялись въ воздухѣ, наполняя его сильнымъ запахомъ нефти. Выходящая изъ трубы вода была очень холодна и весьма солона. Отъ поднесенной къ скважинѣ зажженной спички послѣдовалъ громкій взрывъ, и газы загорѣлись яркимъ волнующимся пламенемъ, красиво взлетающими вверхъ и безпрестанно колеблющимися разноцвѣтными огоньками. Поднимающіеся языки пламени достигали значительной высоты и по ширинѣ были больше діаметра трубы. Языки эти съ трудомъ были потушены находящимися здѣсь мокрыми тряпками. Падающая вода, увеликая за собой выдѣляющіеся изъ нея и горѣвшіе газы, производила впечатлѣніе миниатюрнаго огненно-водяного хаоса. Зрѣлище было эффектно и поразительно красивое. Повторяя нѣсколько разъ свой опытъ, всегда неизмѣнно, совѣщаніе наблюдало одну и ту же картину: первоначально слѣдовалъ взрывъ, затѣмъ, зажигались газы, и, наконецъ, озарялась разноцвѣтнымъ пламенемъ вода. Тушить горячіе газы каждый разъ приходилось съ трудомъ мокрыми тряпками. Изъ рассказовъ разныхъ лицъ выяснился одинъ характерный и интересный случай, происшедшій во время буренія на этой скважинѣ. Когда скважина была пробурена до 70 саж. глубины, и когда изъ нея стали исходить нефтяные газы, горѣвшіе при закиганіи такъ же, какъ и въ настоящее время, яркимъ и продолжительнымъ пламенемъ, то рѣшили (по распоряженію инженера, наблюдающаго за работами) заколотить скважину пробкою-бревномъ. Когда же заколотили, то черезъ нѣкоторое время необыкновенной силой, скрытой въ нѣдрахъ земли, эту пробку-бревно вырвало и выкинуло черезъ крышу 10 саженой вышки. Пробка, описавъ дугу, упала къ ногамъ находящагося у вышки инженера. По даннымъ инженера В. И. Стукачева, эта скважина начата буреніемъ 1 февраля 1910 года и 23 мая того же года была окончена (въ теченіе 112 дней) на глубинѣ 150 саж. Въ виду отсутствія свѣта, буреніе въ теченіе 112 дней производилось не безостановочно, а съ большими промежутками и не больше 6 часовъ въ сутки. Такимъ образомъ, время буренія равняется $(112 \times 6) = 672$ рабочимъ часамъ, количество же пробуренной въ часъ скважины равно $\frac{1,500}{672} = 0,223$, при безостановочной же суточной работѣ составитъ $(24 \times 0,223) = 5,3$ сажени въ сутки. Подробные результаты работъ этой скважины слѣдующія:

- на глубинѣ 10,5 с.—первое выдѣленіе газовъ и капель нефти,
- „ 17 саж.—сильное выдѣленіе газовъ и нефти,
- „ 27,7 с.—притокъ нефти увеличивается,

„ 26,7 с.—тартаніемъ получалось ежедневно отъ 28 до 35 пуд. нефти.

„ 38,57 с.—тартаніемъ получилось до 100 пуд. нефти въ сутки. Это количество нефти оставалось все время неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ газы во все время буренія до 200 саж. подошвы замѣтно усиливались. По мнѣнію инженера Гансберга, схважина эта, согласно эскиза копирной книги, заложена на сбросѣ, а не на антиклинали.

В. А. Бѣловсовъ-Милорадовичъ.

(Окончаніе будетъ).

Среди медвѣдей

(Разсказъ изъ жизни въ зырянскомъ краѣ).

Окончаніе. См. № 15 „Извѣстій“ за т. г.

III.

Когда всѣ привезенные на тылѣ припасы были внесены въ избушку и сложены тамъ, Яковъ указалъ своимъ домашнимъ, а также Степану, пріѣхавшему въ качествѣ поденщика, откуда начинать жатву, гдѣ ставить суслоны и, обращаясь къ Казанцеву, сказалъ:

— А ты, Василій Васильевичъ, можешь отправляться на охоту. Я тебѣ сейчасъ объясню, гдѣ рябчиковое мѣсто. Отсюда надо идти все прямо и прямо—вотъ туда, на сѣверъ. Ну, пройдешь ты эдакъ версты полторы, минуешь маленькое болото, а за болотомъ начнется соснякъ, ельничъ, береза, осина, пихта—все вперемежку. Тутъ и живутъ рябчики. Главное дѣло въ томъ, что тамъ растетъ много брусники и черники, а эти ягоды рябчикъ жрать любитъ. Крімъ того, есть и рябина, а это тоже приманка для рябчика. Если ты будешь ходить осторожно, то всегда можно подстрѣлить эту птицу. Она чаще по землѣ бѣгаетъ, но надо глядѣть и кверху, потому что подъ вечеръ почти всѣ рябчики на деревья садятся. Только слушай, Василій Васильевичъ,—добавилъ Яковъ:—не уходи слишкомъ далеко отъ того болота, а то заблудиться можешь. Тамъ дальше, можетъ быть, увидишь ты визирную просѣку, такъ если вдоль ея къ югу пойдешь, то въ ручей упруешься, а этотъ ручей мимо нашей тылы течетъ. Стоить спуститься по ручью, и ты здѣсь будешь. А иначе ты можешь уйти Богъ-вѣсть куда.

— Но у меня комнасъ есть,—возразилъ учитель.

— Что комнасъ! Съ комнасомъ ты подлѣ самой тылы пройдешь и ея не замѣтишь, а просѣка и ручей тебя всегда къ нашей избушкѣ выведутъ. Помни это.

— Помню и не забуду, дядя Яковъ. Сначала просѣка, а потомъ ручей... потомъ ваша избушка! Такъ, такъ. Это запомнить не трудно.

— Да, вотъ еще что, Василій Васильевичъ. Если ты увидишь, что на деревѣ сидитъ много рябчиковъ, то стрѣлай сначала въ нижняго, а верхнихъ не тронь. Верхніе все будутъ сидѣть, пока ихъ не вснугнешь, а пальбы они не боятся. Такъ что ты можешь съ одного дерева снять нѣсколько рябчиковъ.

— Хорошо, хорошо. Спасибо за наставленіе,—поблагодарилъ Казанцевъ и, вскинувъ на плечо ружье, пошагалъ въ ту сторону, куда ему указалъ Яковъ.

Черезъ полчаса ходьбы онъ уже миновалъ болото и вступилъ въ описанный зырянниномъ смѣшанный лѣсъ, состоящій изъ сосны, ели, березы, осины и пихты. Подъ ногами покраснѣлась брусника, растущая, однако, не сплошною массою, а маленькими островками, окруженными тою же брусничною травою, но безъ ягодъ. Кое-гдѣ выглядывали желто-багровыя кисти рябины, служившей главною приманкою для рябчика при ловлѣ его силками позднею осенью. Тамъ и сямъ видѣлась черника, перезрѣвшая до такой степени, что до нея въ буквальномъ смыслѣ нельзя было дотронуться.

Едва Казанцевъ переправился черезъ болото, какъ изъ-подъ его ногъ сорвались два рябчика и, громко хлопая крыльями, скрылись за ближайшими деревьями. Онъ взвелъ курокъ и, держа ружье въ правой рукѣ, пошелъ дальше. Почва сначала была мокрая, мягкая, почти вязкая, покрытая шатающимися подъ ногой кочками, но потомъ стало гораздо суше, въ особенности на пологихъ откосахъ лѣсныхъ уваловъ, гдѣ мѣстность принимала почти боровой характеръ.

Пройдя еще нѣсколько десятковъ сажень въ глубину лѣса, учитель увидѣлъ передъ собою протоптанную охотниками тропинку, а на тропинкѣ—четыре рябчиковъ, бѣгающихъ по ней взадъ и впередъ, при чемъ по своей осанкѣ и походкѣ (но не по размѣрамъ, конечно), они имѣли большое сходство съ домашними курами.

„А, голубчики!“—мысленно воскликнулъ онъ и, прицѣлившись, выстрѣлилъ...

Три рябчика взлетѣли на воздухъ и, прошумѣвъ надъ головою Казанцева, сѣли гдѣ-то неподалеку. Четвертый остался на мѣстѣ.

— Вотъ и первая добыча,—пробормоталъ обрадованный охотникъ, и, подобравъ убитую птицу, началъ поспѣшно заряжать ружье...

Почти до сумерекъ бродилъ онъ по лѣсу, оглашая воздухъ громомъ выстрѣловъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ черезъ хвасте непродолжительные промежутки времени. Яковъ не напрасно хмыстался, что укажетъ ему „рябчиковое мѣсто“. Получившіеся результаты превзошли всѣ ожиданія молодого человѣка. Рябчики чуть не на каждомъ шагу срывались изъ-подъ его ногъ, перелетали съ дерева на дерево, шмыгали въ кустахъ, прятались среди густыхъ косматыхъ вѣтвей елей и пихтъ, не забываясь, однако, на вершины, а стараясь перейти на противоположную отъ охотника сторону, гдѣ они безслѣдно исчезали, точно проваливались сквозь землю. Учитель палилъ направо и налево, сгоряча давалъ положительно непростительныя промахи, ругалъ самого себя за ротозѣйство, но, въ концѣ-концовъ, все таки набилъ до десятка штукъ этой невзрачной по вѣшнему виду, но цѣнной на сѣверѣ птицы, приносившей порядочный доходъ мѣстнымъ охотникамъ-зырянамъ.

— А теперь пора и на ночлегъ,—рѣшилъ Казанцевъ и, поглядѣвъ на компасъ, усталою походкою пошелъ по узенькой извилистой тропинкѣ, которая скоро привела его къ такъ-называемой визирной прорѣжкѣ, послужившей ему указателемъ дальнѣйшаго направленія.

Въ лѣсу уже стало почти совсѣмъ темно, когда учитель явился на тылу къ избушкѣ, гдѣ его встрѣтили радостными возгласами. Яковъ

похваляя его за добычливую охоту, но вмѣстѣ съ тѣмъ пожурилъ за позднее возвращеніе, говоря, что „въ баню всегда надо приходиться за свѣтло, чтобы не ночевать гдѣ-нибудь подъ елочкой въ компаніи съ медвѣдями“.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда, дядя Яковъ,—пошутилъ молодой человѣкъ, присаживаясь къ большому ярко пылающему костру, разложенному противъ дверей избушки.—Что же касается медвѣдей, то я не имѣю ни малѣйшаго желанія водить съ ними компанію.

— Я медвѣжій слѣдъ здѣсь, подлѣ самой тылы, видѣлъ,—сообщилъ Степанъ, выпуская изо-рта клубъ бѣлаго махорочнаго дыма.—Навѣрное, они въ прошлую ночь побывали: слѣдъ совсѣмъ свѣжій.

— Можетъ быть, они и въ нынѣшнюю ночь пожалуютъ сюда. Какъ вы думаете?—улыбаясь спросилъ Казанцевъ.

— Не смѣютъ. Вѣдь насъ такъ много,—спокойно отвѣтилъ Яковъ и началъ закладывать чай въ подвѣшенный надъ огнемъ большой мѣдный чайникъ, исполняющій роль походнаго самовара.

Чаепитіе тянулось довольно долго, потому что большинство зырянъ ужасно любятъ этотъ напитокъ, и балуются имъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Особенно усердствуютъ въ этомъ отношеніи бабы, выпивая иногда по 15 чашекъ и болѣе. Жена Якова, Марья, тоже была великая охотница до китайской травки и влила въ свою утробу солидное количество стакановъ. При этомъ она сначала разстегнула верхнюю кофту, потомъ сняла и бросила ее на траву, потомъ стащила платокъ съ головы, потомъ развязала поясъ и полуспустила съ плечъ сарафанъ, потомъ хотѣла было скинуть съ ногъ коты и чулки, чтобы было не столь жарко, но Яковъ сердито закричалъ на нее:

— Дугды, баба! (Перестань, баба!) Лопнешь! Вѣдь, ты ужъ тридцать чашекъ вылопала!

— Только семнадцать... даже двадцати нѣтъ,—обиженно возразила Марья и, не снимая обуви, выпила еще нѣсколько стакановъ, при чемъ, конечно, во время такого запойнаго чаепитія приходилось неоднократно наполнять водой и подогрѣвать чайникъ.

Когда чаепитіе было кончено, всѣ присутствующіе, кромѣ Казанцева, подкрѣпилисьужиномъ: съѣли громадный широгъ изъ соленой сайды (чери нянь), выхлебали чуть не полведра кислаго молока („шюма евъ“) и, помолвившись на востокъ, начали таскать въ избушку сложенное подъ навѣсомъ сѣно, которое должно было служить постелью.

Марья, почесывая надувшесся, какъ барабанъ, брюхо, влѣзла въ „баню“ первая, за нею послѣдовали ея сыновья Андрей и Иванъ, хранивъ которыхъ скоро огласилъ воздухъ, сопровождаемый время отъ времени другими, не совсѣмъ гармоничными звуками.

Учитель, Яковъ и Степанъ остались посидѣть у огня, благо ночь стояла тихая и довольно теплая, да и время было еще не позднее, такъ что можно было лишній часокъ побалагурить на свободѣ.

— Кури, Василій Васильевичъ,—проговорилъ Степанъ, подавая учителю кисеть съ махоркой.—Или ты только пшеничный табачекъ потребляешь, а нашимъ горлодеромъ не пользуешься?

— Ничего, можно и махорку,—отвѣтилъ Казанцевъ и свернуть „цыгарку“, которую затѣмъ и раскурилъ вынутымъ изъ костра уголькомъ.

— Кто любить табачекъ, тотъ хорошій мужичекъ.—состригли Степанъ.—Я тоже люблю табакъ, значить, тоже хорошій мужикъ. И водку я къ тому же уважаю... не могу жить безъ водки...

— Ну, это плохо. Водки пить не слѣдуетъ.

— Почему не слѣдуетъ?

— Потому что водка приносить одинъ вредъ и больше ничего.

— Знаю, что вредъ, но за то водка—главная наша радость и веселье,—засмѣялся Степанъ.—Вѣдь, у насъ, мужиковъ, нѣтъ другой радости, кромѣ водки. Работаемъ мы, можно сказать, до полу смерти, ни днемъ, ни ночью покоя не знаемъ, какъ тутъ не выпить съ горя? А ежели какойнибудь пошь насъ осудить, то пусть онъ сначала побываесть въ мужицкой шкурѣ и ужъ тогда осуждаесть!

— Ну, ты, Степанъ, все-таки выпиваеешь лишнее... не съ горя, а просто ради пьянства,—вмѣшался въ разговоръ Яковъ съ усмѣшкой глядя на своего двоюроднаго брата.—Но если говорить правду, то нашему брату-зырянину нельзя обойтись безъ водки. Вѣдь мы такіе же люди, какъ все прочіе. Вѣдь, и у насъ душа веселая просить. Не монахи же мы, прости Господи. А развѣ у насъ есть какоенибудь другое веселье, кромѣ водки? Была у насъ когда-то чайная, а въ чайной револьвъ граммофонъ, и показывали туманныя картины, но и чайную скоро закрыли: зачѣмъ-де зырянину чайная? Вотъ мы и пьемъ водку!

— И причиняете себѣ вредъ этою водкой,—стоялъ на своемъ учитель.—Все доктора говорятъ, что водка при постоянномъ употребленіи отравляетъ человѣка. А если вамъ хочется веселиться, то можно подыскать какоенибудь трезвое веселье.

— Какое бы, наиримѣрь?

— Мало-ли какое. Грамотные могли бы читать книги, а неграмотные слушать это чтеніе...

— Такъ, такъ,—опять повторилъ Яковъ. Это я хорошо понимаю. Вонъ у насъ отецъ Иванъ то же самое проповѣдуетъ... совѣтуетъ жить скромненько и трезвенько. А самъ коньяки съ гостями распиваетъ, цѣлыя ночи за картами сидитъ, живетъ лучше всякаго помѣщика. У него, говорить, въ банкѣ пять тысячъ лежитъ, а дома одной серебряной посуды на триста рублей есть, да и золота немало наберется. А онъ о скромности толкуесть!

— У всякаго есть свои слабости,—вставилъ Казанцевъ.

— Вотъ и у насъ тоже своя слабость—пить водку!—подхватилъ Яковъ.—А на счетъ книжнаго чтенія я тебѣ скажу, что книжка не всегда для насъ сподручна, да и много-ли мы поймемъ въ книжкѣ, если намъ не объяснять ея, какъ слѣдуетъ?

— Что же, можно и объяснить. Наиримѣрь, я съ удовольствіемъ бы постарался.

— То—ты, а то—другіе. Про тебя, Василій Васильевичъ, никто худого слова не скажетъ. Ты не брезгуешь нашимъ братомъ—простыми зырянами: руку знакомымъ мужикамъ подаешь, письма неграмотнымъ бабамъ пишешь, разговариваешь съ крестьянами, какъ съ равными, даже недоучившихся городскихъ учениковъ, помимо школы, къ экзаменамъ подготавливаешь. А вотъ была здѣсь до тебя одна учительница, такъ она съ нами и говорить не хотѣла. Пришелъ я однажды въ училище, книгу въ школьной библіотекѣ перемѣнить, стою въ коридорѣ, а она, слышно, съ кѣмъ-то такъ громко разговариваетъ и кричитъ: „Надоѣли мнѣ эти противные зыряне! Безпрестанно за книгами

дѣзутъ! Точно понимаютъ что-нибудь въ чтеніи!..“ Такъ и сказала: противныя зыряне!—повторилъ Яковъ, и въ голосѣ его прозвучало раздраженіе.—А, вѣдь, сама тоже зырянка, настоящая коренная зырянка, даже не поповна и не дякоповна, а дочь бѣднаго мужика зырянина, который еще и теперь ходитъ на уральскіе заводы дрова рубить!

— Удивительно!—пожалъ плечами учитель, не зная, что сказать на такія слова своего собесѣдника.

— И ничего тутъ нѣтъ удивительнаго,—продолжалъ Яковъ, замѣтно волнуясь.—Просто зазналась дѣвка, что изъ простонародья въ учительницы попала, напялила на голову шляпу съ перьями, понашила узкихъ юбокъ, которыя на самоварную трубу похожи, надѣла на ноги красныя туфельки и думаетъ, что она Богъ знаетъ какая барышня! А если бы не земская стипендія, которую ей по крестьянскому приговору дали, то была бы она такою же деревенской дѣвкой, какъ всѣ прочія, и, навѣрное, не сказала бы про насъ, что мы—противныя зыряне!

Воцарилось продолжительное молчаніе. Яковъ, видимо, былъ взволнованъ не на шутку и, сердито сопя носомъ, крутилъ цыгарку. Степанъ тоже хмурился, заразившись настроеніемъ Якова. Казанцевъ глядѣлъ на огонь и съ отѣнкомъ грусти думалъ о томъ, что между зырянскою интеллигенціей и зырянами, дѣйствительно, лежитъ почти непроходимая пропасть. Онъ зналъ многихъ учителей и учительницъ—мѣстныхъ уроженцевъ, которые были, безусловно, хорошіе и либерально настроенные люди, любили потолковать о благомъ народномъ, проявляли много гражданской доблести въ разговорахъ на тему о положеніи родной деревни, но чуть дѣло касалось непосредственнаго соприкосновенія съ „мужикомъ“, какъ тѣ же „либералы“ принимали снисходительно—небрежный тонъ высшаго къ низшему, читали нравственныя сентенціи, смѣялись надъ мужицкою „дикостью“ и, въ лучшемъ случаѣ, давали деликатно понять, что они интеллигенты—особь статья, а крестьяне тоже особь статья!..

Размышленія Казанцева были прерваны какими-то странными глухими звуками, послышавшимися въ глубинѣ лѣса. Казалось, что гдѣ-то въ отдаленіи затрубили въ тысячу басистыхъ трубъ, производившихъ непрерывный гулъ, который то стихалъ, то опять усиливался...

Яковъ вскочилъ съ мѣста. На лицѣ его была написана тревога. Изъ рукъ выпала недокуренная цыгарка.

— Ошѣясъ! Ошѣясъ! (Медвѣди! Медвѣди!)—прошепталъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.—Неужели это медвѣжьи свадьбы, про которыя мой отецъ рассказывалъ? Вѣдь, завтра Семеновъ день... Вѣда будетъ, если они набѣгаютъ на нашу тылу... Надо будетъ, все-таки, приготовиться на всякій случай...

Онъ поспѣшно влѣзъ въ избушку и началъ будить жену и сыновей, говоря:

— Вставайте, вставайте! Медвѣди идутъ!

Черезъ минуту уже всѣ были на ногахъ, потому что слово „ошѣ“ (медвѣдь) произвело на Марью и ея дѣтей ошеломляющее впечатлѣніе.

IV.

Красно-багровое пламя костра ярко озаряло стѣны „бани“, часть подѣчнаго поля съ выросшими въ теченіе дня суслонами и сплошную

массу дѣса, охватывающаго тылу со всѣхъ сторонъ. Подлѣ огня были свѣтло, какъ днемъ, но въ десяти шагахъ отъ него уже зажглись на земле черныя, колеблющіяся тѣни, которыя чѣмъ дальше, тѣмъ становились гуще и длиннѣе, а еще дальше все тонуло въ глубокой бархатной темнотѣ безлунной осенней ночи, окутавшей зырянскіе дѣса своимъ покровомъ.

Тишина кругомъ стояла невозмутимая. Вѣтеръ съ вечера стихъ, и воздухъ былъ совершенно неподвиженъ. Только слышно было, какъ за избушкой, подъ навѣсомъ, переступали съ ноги на ногу лошади и мирно жевали сѣно, да еще продолжали долетать издалека тѣ странные глухіе звуки, которые Яковъ принялъ за ревъ медвѣдей.

— Господи, да неужели это взаправду медвѣди?—дрожащимъ голосомъ спрашивала Марья, переводя глаза то на одного, то на другого.

— Сходи туда, гдѣ они собрались, такъ узнаешь!—сердито крикнуть на нее Яковъ.—Ты думаешь, что я не слыхалъ никогда медвѣжьего голоса? Это, матушка, не просто медвѣди... это—страшно много медвѣдей, это—медвѣжки свадьбы, а съ медвѣжьими свадьбами шутить нельзя!

— Что же мы будемъ дѣлать теперь?—спросилъ учитель, заражаясь общимъ тревожнымъ настроеніемъ.

— Огня надо побольше разложить,—предложилъ Степанъ.—Огня побольше! Либо поскорѣе лошадей запрячь и домой ѣхать...

— Такъ ты и ѣхалъ домой въ такую темную ночь!—передразнилъ его Яковъ.—Вѣдь, мы не по тракту покатимъ, а по лѣсной дорогѣ. Только дураки побѣгать отъ медвѣдей въ ночное время. Нѣтъ, это не годится. А вотъ объ огнѣ, пожалуй, стоитъ подумать.

Совѣщаніе у нихъ тянулось недолго. Когда-то и кто-то испыталь, что медвѣди сильно боятся огня. Нѣкоторые охотники даже увѣряли, что стоитъ только при встрѣчѣ съ медвѣдемъ чиркнуть спичку, какъ звѣрь безъ оглядки убѣгаетъ. Въ виду этого было рѣшено устроить вокругъ избушки валь изъ сухого валежника и хвой, а когда—чего Боже сохрани!—набѣжать медвѣди, то валь этотъ зажечь и скрыться въ огненномъ кольцѣ, куда ужъ медвѣди ни за что не сунутся. Въ сущности никто съ достовѣрностью не зналъ, такъ ли бываетъ въ дѣйствительности, но, за неимѣніемъ лучшаго, планъ этотъ всѣ одобрили и дружно принялись за работу.

На тылѣ и вокругъ тылы валялось немалое количество крупныхъ и мелкихъ полуобгорѣлыхъ деревьевъ, оставшихся отъ подефчныхъ костровъ, кромѣ того, было много обыкновеннаго валежника, гниющаго или сохнущаго, смотря по принятому при надѣиіи положенію,—все это начали таскать къ „банѣ“, окружая ее спасительнымъ „валомъ“, придуманномъ на общемъ совѣтѣ. Марья послала снопы съ поля и складывала ихъ въ кучу около избушки. Тутъ же валяли паломанную въ лѣсу хвою, которая, вмѣстѣ съ соломой, должна была оставаться въ запасъ на тотъ случай, если „валь“ прогоритъ, и пищи огню не будетъ. Лошади были тоже не оставлены безъ вниманія. Ихъ крѣпко привязали къ столбамъ навѣса, огородили жердями и, словомъ, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы, въ случаѣ приближенія звѣрей, испугавшіяся животныя не вырвались бы на волю, гдѣ они могли попасть въ лапы медвѣдей. Въ заключеніе насовали въ приготовленный для зажиганія „валь“ побольше бересты и наколотыхъ топоромъ тоненькихъ лучинообразныхъ смолистыхъ полѣненьвъ, чѣмъ всѣ предварительныя приготовленія были кончены.

— А, вѣдь, медвѣдей не стало слышно!—радостно сообщилъ Степанъ, прислушавшись къ царившей кругомъ тишинѣ.

Дѣйствительно, доносившіеся издалека глухіе басистые звуки мало-по-малу смолкли, что было немедленно замѣчено всѣми, такъ какъ, возясь съ валежникомъ и хвоей, никто въ то же время не забывалъ ловить краемъ уха всякій шумъ и шорохъ, долетавшіе изъ глубины лѣса.

— Они, вѣроятно, стороной прошли,—выказалъ предположеніе учитель, облегченно вздыхая.—А, все-таки, было бы интересно поглядѣть на медвѣжьи свадьбы... хотя и опасно, но интересно. Честное слово.

— Пока еще рано радоваться,—предупредилъ остальныхъ Яковъ.— Они въ такую пору по всѣмъ лѣсамъ рыскаютъ, только къ деревнямъ не подходятъ. Могутъ и сюда набѣжать... если не сейчасъ, то послѣ...

— Енмэй видзь! (Боже сохрани!)—съ живостью воскликнула Марья, осѣня себя крестнымъ знаменіемъ.

— Молись, баба, чтобы они не набѣжали, а если набѣжатъ, то бѣда. Это не лѣтніе медвѣди. Лѣтомъ они за версту къ человѣку не подходятъ, а теперь имъ все нипочемъ. Кто знаетъ, поможетъ ли намъ огонь?

— Куда же мы дѣваемся, если они перепрыгнуть черезъ огонь?—спросилъ Казанцевъ.

— Въ баню запремся. Баня у насъ крѣпкая, потолокъ въ шпунтъ устроенъ, его не сразу развратишь. Дверь тоже неплохая. Придется въ банѣ отсиживаться.

— А если они разворочаютъ баню, что тогда?

— Тогда? Ну, тогда поборемся съ ними, узнаемъ ихнюю медвѣжью силу,—тономъ шутки отвѣтилъ Яковъ, но никто даже не улыбнулся на его слова, потому что всѣмъ было не до шутокъ.

Медленно тянулось время. Тишина въ лѣсу ничѣмъ не нарушалась. Всѣмъ хотѣлось надѣяться, что медвѣди „прошли стороною“, но никому не удавалось убѣдить себя въ этомъ. Первы у всѣхъ были напряжены до крайности. У Марьи даже заболѣлъ животъ съ извѣстными послѣдствіями этой болѣзни, что окончательно разстроило бѣдную женщину, принужденную часто удаляться за избушку, гдѣ ей за каждымъ кустомъ мерещились медвѣди...

Такъ прошло около часу. Учителю уже стало казаться, что всякая опасность миновала, и онъ съ чувствомъ нѣкотораго разочарованія думалъ о томъ, что ему такъ и не удалось поглядѣть на „медвѣжьи свадьбы“. Эти „свадьбы“ физиологически объяснялись весьма простыми и естественными причинами, хорошо извѣстными Казанцеву, но, несмотря на свой научный скептицизмъ, онъ ожидалъ увидѣть не просто лѣсныхъ чудовищъ, а какія-то чудеса въ рѣшетѣ, полныи увлекательной таинственности...

Яковъ тоже, какъ будто, пересталъ ждать косматыхъ гостей и, сидя на корточкахъ передъ огнемъ, рассказывалъ о томъ вредѣ, какой приносятъ медвѣди мѣстному населенію.

— Много они намъ досаждаютъ,—говорилъ онъ.—Вонъ прошлымъ годомъ въ одномъ нашемъ селѣ задавили семь коровъ. Чуть корова започуетъ въ лѣсу, такъ и считай ее пропащей. А пастуховъ мы не держимъ, никто не мѣшаетъ этимъ стервамъ лакомиться свѣжимъ мясомъ. Бываетъ, что и лошадей давятъ, а объ овцахъ и говорить нечего: цѣлыми десятками недосчитываемся ихъ подь осень. Пробо-

вали было наши охотники ловить медвѣдя, да куда имъ съ медвѣдемъ тягаться. Только себя осрамили, а пользы не получили.

— Какъ это себя осрамили?—спросилъ учитель.

— Извѣстно какъ: со страху глупостей наговорили. Дѣло это такъ было. Задавилъ медвѣдь корову у Максима Тырмасова. Максимъ на другой же день нашелъ ее мертвою въ лѣсу, совсѣмъ близко отъ пашент, содралъ съ нея шкуру, принесъ домой и говоритъ сосѣдямъ: „Пойдемте, ребята, медвѣдя ловить. Надо убить его, проклятаго, а то онъ весь скотъ перепортитъ“. А сосѣди затылки чешутъ: „Пожалуй, оно того... стоило бы попробовать. Только какъ мы будемъ ловить эту гадину?“—„Какъ? Да очень просто. Онъ непременно нынче ночью придетъ доѣдать мою корову. Вотъ мы и сдѣлаемъ тутъ лабазъ на деревѣ, засядемъ на него съ вечера и будемъ ждать. А когда онъ подойдетъ къ коровѣ, тогда мы и начнемъ въ него палить. Авось и убьемъ его, проклятаго.“—„Ладно, говорить, пойдемъ. Мы отъ такого дѣла не прочь.“—Ну, собрались этакъ пять человѣкъ, зарядили ружья пулями и отправились въ лѣсъ. Тамъ, подлѣ ободранной коровыей туши, они лабазъ на большомъ деревѣ устроили, крѣпко-накрѣпко перевязали его вицами, перекрестились и сѣли ждать звѣря. Днемъ имъ было совсѣмъ нестрашно, а какъ подошла ночь, стали у нихъ на сердцѣ кошки скрести. Ночь была такая же темная, какъ теперь, по лѣсу вѣтеръ шумитъ, гдѣ-то филинъ ухаеетъ, совсѣмъ растерялись наши охотники, прикались другъ къ другу, дрожать, перешептываются, Ни-колу Утодника поминають. Только вдругъ слышатъ они: идетъ кто-то по лѣсу, тяжело ступаетъ, шхтять, фыркаетъ... Тутъ ужъ ихъ совсѣмъ изъ ума выкинуло. Забыли они про свои ружья, завонили благимъ матомъ: „Энъ локъ тѣтче, стѣрво! Энъ локъ тѣтче!“ (Не подходи сюда, стерва! Не подходи сюда!) Начали со страху выше на дерево лѣзть. Двое оборвались и полетѣли внизъ, а остальные все еще кричатъ: „Энъ локъ тѣтче! Энъ локъ тѣтче!..“ Говорятъ, что самъ Максимъ даже „караулъ“ заоралъ... А тутъ, вдругъ, вмѣсто медвѣдя, лошадь заржала, самая настоящая лошадь, ей-Богу! Оказалось, что это была понова кобыла, по лѣсамъ она всегда бродила, а охотники ее за медвѣдя приняли... Ужъ и посмѣялись же потомъ надъ ними—страсть! Положимъ, они молчали сначала о такомъ конфузѣ, но при первой же выпивкѣ разболтались, и вся деревня узнала про ихнюю храбрость...

— Развѣ можно умолчать про такое замѣчательное событіе?—за смѣялся Казанцевъ.—Однако, какъ времена мѣняются. Вѣдь, въ старину зыряне считались первыми охотниками, никакого звѣря не боялись. А тутъ, вдругъ, такая трусость.

— Старинные зыряне были не намъ чета,—съ какою-то гордостью промолвилъ Яковъ.—Они въ одиночку на медвѣдя ходили, множество лисицъ и куницъ ловили, на всю Москву пушной товаръ поставили. Это я читалъ въ какой-то книжкѣ, которую изъ вашей школы бралъ.

— Ахъ, кстати,—воскликнулъ учитель, роясь въ боковомъ карманѣ.—У меня есть одно стихотвореніе про зырянъ. Записалъ его то же зырянинъ, живущій на Вычегдѣ. Хотите сейчасъ прочитаю?

— Читай, читай. Послушаемъ. Вѣдь, нынѣшнюю ночь намъ все равно не уснуть. Мы тоже, кажется, сдѣлались такими же храбрыми, какъ Максимъ Тырмасовъ съ товарищами. Не хватаетъ только поповой кобылы...

— Такъ вотъ, слушайте,—сказаль Казанцевъ и, развернувъ маленькйй листокъ бумаги, началъ читать:

Зырянскому народу.

Мой родимый народъ, мой зырянскйй народъ,
Много горя ты вынесъ на плечахъ своихъ,
Много ты претерпѣль всевозможныхъ невзгодъ,
Много видѣль и пережилъ бѣдствйй лихихъ!

Въ стародавнйе годы заброшенъ ты былъ
Роковою судьбою на сѣверъ глухой,
Гдѣ безбрежный, дремучйй, сѣдой лѣсъ царилъ,
Гдѣ нашель ты пріютъ неуютный такой.

Тамъ, въ угрюмыхъ тайгахъ и дремахъ лѣсныхъ,
Ты животную жизнь полузвѣря влачилъ;
Тамъ не зналь ты утѣхъ, наслажденйй земныхъ,
Не видалъ ничего, чѣмъ бы счастливъ ты былъ.

Тамъ ты скудную пищу себѣ добывалъ
Неносильнымъ, тяжелымъ, ужаснымъ трудомъ,
Но всегда—каждый день, каждый часъ—голодалъ
И опутанъ былъ цѣпью страданйй кругомъ.

Тамъ зима, точно врагъ, изводила тебя
Лютой стужей, снѣгами и вьюгою злой;
Но привикъ ты терпѣть, углубившись въ себя,
И терпѣль, уже свыкнувшись съ долей такой!..

Мой родимый народъ, мой зырянскйй народъ,
Жизнь твоя протекла въ вѣковѣчной нуждѣ,
Ты не зналь ничего, кромѣ лютыхъ невзгодъ,
И встрѣчалъ одну злобу всегда и вездѣ.

Жилъ въ язычествѣ ты много, много годовъ,
Чтилъ усердно зырянскихъ кумировъ своихъ.
Видѣль Пама-жреца, властелина лѣсовъ,
Видѣль грозный приходъ чужеземцевъ лихихъ!..

Всѣ давили тебя, кто какъ могъ и умѣль,
Обирали тебя полновластной рукой,
Только въ добрыхъ дѣлахъ средъ тебя преусиѣль
Милосердный Стефанъ, благовѣстникъ святой!..

Но прошли времена, миновали вѣка,
И смягчились сердца у жестокихъ людей;
Снова правда возстала свѣтла, высока—
И неволью враги превратились въ друзей!..

Пусть неискренна дружба у бывшихъ враговъ,
Пусть презрѣваемъ они родъ зырянскйй клеймятъ,
Но на всемъ протяженйи долгихъ вѣковъ
Ты духовною мощью своею былъ богатъ;

Ты горнило страданйй пронесль и воскресъ—
И стопы свои смѣло направилъ впередъ!..
Возсіяло тебѣ солнце правды съ небесъ,
Мой родимый народъ, мой зырянскйй народъ!

Учитель кончалъ чтеніе и поглядѣль на своихъ слушателей, желая узнать произведенное на нихъ впечатлѣніе. Стенанъ съ скучающимъ видомъ ковыряль въ носу, ни мало, повидимому, не интересуясь прочитаннымъ стихотвореніемъ, Марья и ея сыновья тоже были совер-

шенно равнодушны къ зырянской поэзіи, являющейся для нихъ пустымъ звукомъ, что же касается Якова, то онъ слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, одобрительно кивалъ головой и бормоталъ:

— Такъ, такъ! Вѣрно, вѣрно! Это я все понимаю...

— Что, нравится тебѣ, дядя Яковъ?—спросилъ его учитель, свертывая и кладя въ карманъ бумажку съ стихотвореніемъ.

— Хорошо написано!—съ убѣжденіемъ промолвилъ Яковъ.—Въ старину зыряне взаправду такъ жили... на звѣриномъ положеніи. А нынче, слава Богу, все-таки, лучше стало...

Вдругъ голосъ его оборвался. Глаза его испуганно расширились. Онъ весь встрепенулся и, точно подброшенный тугою пружиною, вскочилъ съ мѣста.

— Идутъ, идутъ... медвѣди идутъ! Прямо сюда идутъ... Тсс! Тише!

Настала томительная минута мертваго молчанія. Не одна душа ушла въ пятки.

V.

Медвѣди не прошли стороною, какъ того всѣ горячо желали.

Въ наступившей гробовой тишинѣ слышно стало, какъ загудѣли вдалекѣ тѣ же глухіе басистые звуки, которые произвели такой переполохъ часа три назадъ.

Марья, крестьясь, бормотала, что Богъ не допуститъ „лѣсныхъ космачей“ до тылы, но Яковъ зловѣщимъ тономъ заявилъ, что „медвѣды едва ли минуютъ подсѣку.“

Всѣ стояли вокругъ костра блѣдные, взволнованные, трепещущіе. У Степана замѣтно дрожали губы, когда онъ произнесъ унавшимъ голосомъ:

— Ну, и попали же мы въ кашканъ, братцы! Куда мы теперь дѣваемся, а?

Овисъ міанъ олѣмой! (Кончилась наша жизнь!)—всхлипывала Марья, положительно трясясь, какъ въ лихорадкѣ.

Ты, баба, ступай въ баню и сиди тамъ, а здѣсь ты только мѣшать будешь,—сказалъ женѣ Яковъ и, толкнувъ ее къ дверямъ избышки, съ минуту стоялъ неподвижно на мѣстѣ и слушалъ.

Шумъ въ лѣсу становился ближе и явственнѣе. Казалось, что въ кромѣшней темнотѣ ночи надвигалось на тылу какое-то страшное тысячеголовое чудовище, ревущее и воющее на всѣ голоса. Пока еще нельзя было разобрать отдѣльныхъ звуковъ, но въ общемъ нестройномъ протажно-раскатистомъ гулѣ слышалось что-то стихійно-грозное и зловѣщее.

— Это они вдоль ручья бѣгутъ... скоро здѣсь будутъ,—хриплымъ шепотомъ проговорилъ Яковъ.—Ну, теперь все наше спасеніе въ огнѣ. Зажигайте скорѣе валежникъ, подпаливайте бересто! Степанъ, Иванъ, Андрей, Василій Васильевичъ! Живо валежникъ поджигайте! Живо пошевеливайтесь, ребята!

Онъ быстро нагнулся къ костру, выхватилъ изъ него пылающую головню и бросился къ разложенному въ видѣ вала сушняку, окружающему избышку просторнымъ кольцомъ.

Зашипѣло, закорчилось сусованное тамъ и сямъ бересто, поджигаемое Яковымъ, затрещали сухіе сучья, задымились смолистыя части притащенныхъ съ подсѣки толстыхъ, вывороченныхъ съ корнями пней, заверещала шумливая хвоя, и узенькіе длинные языки пламени за-

сверкали въ разныхъ мѣстахъ, переплетаясь, соединяясь другъ съ другомъ и распространяя вокругъ себя густые клубы ѣдкаго удушливаго дыма...

Остальные начали дѣлать то же самое, и скоро приземистая лѣсная „бани“ очутилась въ огненномъ кольцѣ, разгорающемся все ярче и ярче...

„Господи, вотъ приключеніе!—думалъ учитель, работая вмѣстѣ съ другими.—Неужели намъ въ самомъ дѣлѣ придется познакомиться съ косолапами? Да это чище всякаго майнридовскаго измышленія!“

— Подходить... близко уже!—крикнулъ Яковъ, кончая возню съ огнемъ.—Становитесь все къ дверямъ бани! Кто знаетъ, задержитъ ли ихъ пламя. Можетъ быть, въ банѣ спастись придется.

Все сбѣжались къ избушкѣ, пугливо поглядывая въ ту сторону, откуда надвигались на тылу „медвѣжьи свадьбы“. Лошади тревожно зафыркали, затоптались подъ навѣсомъ, почувявъ незваныхъ гостей. Добрыя животныя понимали, какая страшная опасность угрожаетъ имъ, и старались вырваться изъ своего заключенія. Но веревки и жерди крѣпко держали ихъ на мѣстѣ.

Свѣтъ огненнаго кольца ярко озарилъ мѣстность вокругъ „бани“, давая возможность видѣть со всехъ сторонъ высокія, уходящія въ небо стѣны хвойнаго лѣса, на опушкѣ котораго вдругъ замелькали какія-то неясныя тѣни, сопровождаая свое появленіе сильнымъ шумомъ и трескомъ валежника.

— Ошъ! Ошъ! (Медвѣдь! Медвѣдь!)—завопила выглядывающая изъ избушки Марья и, обезумѣвъ отъ страха, полѣзла въ печку-каменку, гдѣ и застряла на половинѣ, потому что ея толстое брюхо было гораздо обширнѣе печного отверстия...

Оглушительный яростный ревъ потрясъ воздухъ. Множество огромныхъ неповоротливыхъ фигуръ отдѣлилось отъ погруженнаго въ темноту лѣса и выступило на озаренное кострами пространство. Движенія ихъ были тяжеловѣсны, но проворны. Глаза блестѣли, какъ угольки, когда они повертывались къ огню и поднимали кверху свои тупыя морды. Сначала они съ шумнымъ оживленіемъ выскочили на тылу, но при видѣ огненнаго круга остановились и стали обнюхивать воздухъ, смѣшавшись въ одну общую кучу...

— Какъ ихъ много! Какъ много!—шепталъ Яковъ, зорко слѣдя за движеніями медвѣдей. А тамъ еще другіе выбѣгаютъ... еще и еще... Господи, спаси и помилуй! Да имъ, кажется, конца не будетъ: смотрите, еще выбѣгаютъ!

Медвѣдей было, дѣйствительно, невѣроятно много. Оглашая окрестность то яростнымъ ревомъ, то какимъ-то ласкающимъ урчаніемъ, они черными громадными шарами выкатывались изъ лѣса и останавливались въ недоумѣніи передъ огнемъ, ослѣпляющимъ имъ глаза послѣ темноты. Къ огню они не смѣли приближаться, пугаясь дыма и искръ, сыпавшихся въ высоту сумрачнаго неба. Но это происходило недолго. Нерѣшительность скоро исчезла. Косматые пустынники лѣсовъ замѣтили за чертою огня людей и лошадей и стали подходить ближе. Ревъ ихъ перешелъ въ какой-то громоподобный гулъ, отъ котораго стоявшія подъ навѣсомъ лошади положительно обезумѣли. Послышались отчаянная толкотня и брыканье бѣдныхъ животныхъ, треснули подломившіяся подъ ихъ напоромъ жерди, поводья были порваны, какъ тоненькія шпички, и освободившіеся отъ путъ кони бѣшено ринулись въ обра-

зовавшійся проходъ. Никто не успѣлъ глазомъ моргнуть, какъ всѣ три лошади съ распущенными хвостами, дѣлая огромные прыжки, перемахнули черезъ огонь и исчезли въ темнотѣ, бросившись въ ту сторону, гдѣ не было медвѣдей.

— Держи, держи!—закричали Яковъ и Степанъ, но держать лошадей было уже поздно, да ихъ никто и не пытался остановить, потому что сдѣлать это было физически невозможно.

— Ну, пропали наши кони!—съ отчаяніемъ махнулъ рукой Яковъ, вида, какъ передніе медвѣди съ удивительною для ихъ громоздкихъ фигуръ рѣзвостью и быстротою устремились въ догонку за лошадьми, топотъ и фырканье которыхъ замирали въ отдаленіи.

— Они, кажется, попали на дорогу, по которой мы пріѣхали,—промолвилъ Степанъ.—А если попали, то могутъ еще спастись отъ проклятыя.

— Въ самомъ дѣлѣ,—поддержалъ говорившаго Казанцевъ.—Ты, дядя Яковъ, напрасно безпокоишься. Лошади могутъ ускакать по дороге... и медвѣдей за собой увести...

Яковъ вздохнулъ и сказалъ;

— Богъ съ ними и съ лошадьми, лишь бы намъ самимъ живымъ выбраться отсюда. Теперь медвѣди люты, какъ никогда, того и гляди, что перепрыгнутъ черезъ огонь. Не всѣ они за лошадьми убѣжали, осталось и на нашу долю не мало.

— Такъ это и есть медвѣжья свадьба?—спросилъ учитель.

— Это и есть. Видишь, какъ они другъ за другомъ бѣгаютъ... А тамъ уже драка пошла... Смотрите, смотрите!

Всѣ съ жуткимъ любопытствомъ стали глядѣть на оставшихся на тылѣ звѣрей, число которыхъ было все еще очень велико. Медвѣди, повидимому, были крайне удивлены и раздражены огненнымъ кругомъ, встрѣтившимся на ихъ „свадебномъ пути“. Нѣкоторые изъ нихъ съ злобнымъ рычаніемъ подходили къ кострамъ и обнюхивали воздухъ, чую человѣческой запахъ. Но большинство ихъ скоро освоилось съ лѣсною иллюминаціей и закружились по подсѣкѣ, толкая и перегоняя другъ друга. Слышалось ласковое урчанье и какіе-то особенные звуки, похожіе на хрюканье. Ясно было, что косматые „цари сѣверныхъ лѣсовъ“ находились въ томъ періодѣ любовнаго возбужденія, которое охотники весьма характерно прозвали „медвѣжьими свадьбами“. Впрочемъ, мирныя отношенія между „косолаными“ тянулись недолго. Два медвѣдя, по увѣренію Степана—самцы, затѣяли драку, къ которой съ готовностью присоединились нѣсколько ихъ товарищей, нарушивъ этимъ картину „звѣринаго благодушія“...

— Чтobъ вамъ, проклятымъ, загрызть другъ друга!—пробурчалъ Яковъ, не надѣясь, однако, что его пожеланіе исполнится.—А то привязались къ намъ и не уходятъ... Тьфу!

— Они еще не сразу уйдутъ,—замѣтилъ Степанъ.—Видишь, опять помирились и забѣгали по тылѣ. Отъ нихъ скоро не отвяжешься.

— Оказывается, они и огня не боятся,—сказалъ Казанцевъ.—А охотники между тѣмъ толкуютъ, что стоитъ лишь при встрѣчѣ съ медвѣдемъ чиркнуть спичку, какъ звѣрь безъ оглядки убѣгаетъ.

— Можетъ быть, и убѣгаетъ въ другое время, а теперь медвѣдь ничего не боится,—промолвилъ Яковъ.—Видишь, какіе они смѣлые: совсѣмъ близко къ огню подходятъ.

Драка среди звѣрей прекратилась, и они опять закружились по подсыяному полю, дѣлая уморительные прыжки и часто поднимаясь на дыбы, при чемъ Степанъ и Яковъ объяснили, что это влюбленные медвѣди ухаживаютъ за медвѣдицами и забавляютъ ихъ. Учитель не сталъ имъ возражать, потому что не могъ отличить самцовъ отъ самокъ и, слѣдовательно, не имѣлъ возможности провѣрить слова говорившихъ. Нѣкоторые медвѣди, время отъ времени, тяжелою неторопливою поступью обходили вокругъ огненного кольца и сердито поглядывали на столпившихся у дверей избышки людей, готовыхъ каждую минуту скрыться въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ, какимъ для нихъ являлась „бани“. Пламя, все таки, пугало звѣрей по крайней мѣрѣ настолько, что они не отваживались прыгать черезъ костры, жаръ отъ которыхъ чувствовался на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. И это препятствіе, повидимому, злило и дразнило косматыхъ обитателей зырянскихъ лѣсовъ.

— Да это настоящая осада!—воскликнулъ Казанцевъ, видя, что медвѣди и не думали удалиться съ тылы.—Интересно, чѣмъ это кончится? Неужели они хотятъ взять насъ изморомъ?

— Мой дѣдъ просидѣлъ цѣлую ночь на деревѣ, когда встрѣтился съ медвѣжьими свадьбами,—сказалъ Яковъ.—Значить, и намъ тоже придется здѣсь сидѣть до ихняго ухода...

Между тѣмъ время шло. Осажденные переживали страшныя минуты. Костры пылали уже не столь ярко, но никто не смѣлъ сдѣлать шагу отъ избышки, чтобы подбросить въ огонь хвои или соломы: медвѣди обступили огненный кругъ со всѣхъ сторонъ, и было рискованно удалиться отъ дверей „бани“. Положеніе было отчаянное. Надежды на благополучный исходъ не предвидѣлось. Особенно всѣхъ поразили слова Степана, который, обладая зоркимъ зрѣніемъ, подсчиталъ общее количество собравшихся на подсыякъ медвѣдей и сказалъ, что ихъ не менѣе двадцати штукъ!

— Ой, кула, кула, кула (Ой, умру, умру, умру)!—застонала Марья въ избышкѣ, услышавъ такое страшное сообщеніе.

— Неужели не менѣе двадцати?—спросилъ учитель, чувствуя, какъ у него мурашки забѣгали по кожѣ.

— Пожалуй, даже слишкомъ. Я еще могъ пропустить двухъ или трехъ. А двадцать все таки есть.

— Кто бы могъ подумать, что въ нашихъ зырянскихъ лѣсахъ шляется столько этихъ гадинъ!—развелъ руками Яковъ.—И угораздило же насъ попасть на ихнія свадьбы! Какъ бы они, въ самомъ дѣлѣ, не вздумали прыгать черезъ огонь...

— Да, теперь надо глядѣть въ оба,—согласился Казанцевъ, чувствуя первую дрожь во всемъ тѣлѣ.

Прошло еще немного времени. Медвѣди продолжали бродить вокругъ костровъ, упорно не уходя съ подсыяки. Ухаживаніе самцовъ за самками не прекращалось. Миръ между ними не нарушался. Но вдругъ изъ лѣсу, какъ бомба, вылетѣлъ громадный, страшнаго вида медвѣдь, съ широко разинутою пастью, весь грязный, всклокоченный, липкій, и съ яростнымъ ревомъ устремился на своихъ собратьевъ, занимающихся „любовными играми“. Вѣроятно, это былъ бобыль-одиночка, отвергнутый звѣринымъ обществомъ, за что онъ теперь и вымѣщалъ на „коллегахъ“ свою злобу... Произошла жестокая свалка. Великанъ-медвѣдь подмялъ подъ себя другого, болѣе слабаго медвѣдя, но осталь-

ные дружно набросились на него и пустили въ ходъ зубы, когти... Только ключья полетѣли во всѣ стороны! Запальчивый пришелецъ вынужденъ былъ, вмѣсто нападенія, защититься и, прижатый къ костру, перепрыгнулъ черезъ огонь, очутившись на срединѣ спасительнаго круга. Прочіе послѣдовали его примѣру... Казанцевъ, Степанъ, Яковъ, и сыновья послѣдняго кинулись въ избушку.

Хлопнула послѣдно запертая дверь, и въ тотъ же моментъ тяжелая медвѣжья лапа ударила въ нее, отъ чего дрогнула вся „баня“... Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. Яковъ и Степанъ схватились за топоры, учитель искалъ и не находилъ своего ружья, которое, впрочемъ, въ данную минуту было совершенно бесполезно, сыновья Якова срывали съ нарѣ доски и вооружались ими, готовясь, по примѣру старшихъ, отразить „звѣрино шашетіе“...

— Двери... двери держи!—заоралъ Яковъ, слыша, какъ чудовищные медвѣжьи когти съ рѣжущимъ звукомъ скребли наружныя стѣны избушки.

Казанцевъ и Степанъ ухватились за дверную скобу. Но, къ счастью для всѣхъ, дверца отличалась необычайною прочностью и отворялась наружу, такъ что навалившіеся на нее медвѣди еще крѣпче прижимали ее къ косякамъ, не имѣя въ то же время возможности проломить толстыя доски.

— Шалишь! Не пройдешь!—съ злораднымъ торжествомъ бормоталъ учитель, убѣдившись, что съ этой стороны непосредственной опасности не предвидится.

— Безъ пона, безъ дьячка мы на тотъ свѣтъ переселяемся!—причитала Марья, но на нее никто не обращалъ вниманія.

За стѣнами избушки творилось что-то неописуемое. Медвѣди со всѣхъ сторонъ облѣпили „баню“, лѣзли на нее и разворачивали крышу, ломали кровельныя доски и, наконецъ, добрались до потолка, заскрипѣвшаго подъ ихъ тяжестью... Былъ моментъ, когда жизнь осажденных висѣла на волоскѣ. Стоило „косолапымъ“ вырвать одну потолочину—и доступъ въ избушку былъ свободенъ! Но сколоченныя въ шпунтъ*) толстыя плахи выдержали испытаніе: медвѣди не могли сдвинуть съ мѣста ни одной изъ нихъ...

Внутренность избушки чуть замѣтно освѣщалась отблескомъ* косяковъ, проникающимъ въ небольшое оконце съ вставленнымъ въ него стекломъ. Яковъ началъ было глядѣть въ это оконце, какъ вдругъ стекло со звономъ полетѣло на полъ, и въ „банѣ“ сдѣлалось темно, какъ въ могилѣ. Послышалось тяжелое сопѣнье, горячее дыханіе коснулось лица зырянина... Это догадливый медвѣдь просунулъ голову въ оконное отверстие и совершенно заткнулъ его.

— Кытче пыранъ? (Куда лѣзешь?)—злобно закричалъ Яковъ и, недолго думая, треснулъ звѣря обухомъ по лбу.

Медвѣдь рывкнулъ на всю „баню“ и моментально исчезъ за стѣной.

Но этимъ любопытство „косолапыхъ“ не было удовлетворено. Они то и дѣло начали просовывать головы въ оконце, обдавая осажденных паромъ и брызгами. Яковъ душилъ ихъ обухомъ, и ошеломленные звѣри съ ревомъ отскакивали назадъ, распаяясь еще пущимъ гнѣвомъ затворившихся въ избушкѣ людей.

*) Шпунтъ—продольное углубленіе въ доскѣ, въ которое вгоняется край другой, положенной съ нею рядомъ доски.

Вокругъ „бани“ воцарился настоящій адъ. Разгоряченныя животныя ревѣли, рычали, скрежетали зубами, скребли стѣны лапами, карабкались по угламъ на потолокъ и обратно, переворачивали кровельныя доски и въ безсильной злобѣ вертѣлись на одномъ мѣстѣ, роя и разбрасывая кругомъ землю.

Кровь застывала въ жилахъ у осажденныхъ при мысли, что гибель ихъ неизбежна, если медвѣди ворвутся въ избушку. Но крѣпкія стѣны и потолокъ спасли ихъ отъ смерти. Незадолго до разсвѣта звѣриный ревъ прекратился, послышался шумъ удаляющихся шаговъ, захрустѣлъ въ отдаленіи валежникъ, и скоро все смолкло.

— Неужели ушли?—шепотомъ спросилъ учитель, вѣря и не вѣря такому счастью.

— Навѣрное, ушли,—отвѣтилъ Яковъ, приближая ухо къ окопечку и прислушиваясь.

И хотя всѣ скоро убѣдились, что медвѣди покинули тылу, но нагнанный „косопалыми“ страхъ былъ настолько великъ, что до восхода солнца никто не смѣлъ отворить дверцу и выглянуть наружу.

Когда же окончательно разсвѣло, то всѣ вышли изъ избушки, и глазамъ ихъ представилась такая картина. Вся земля вокругъ „бани“ была взрыта и разрыхлена, точно сохою. На избушкѣ не было ни одной кровельной плахи: все было разобрано и раскидано по сторонамъ. На стѣнахъ видѣлось множество глубокихъ царапинъ, проведенныхъ чудовищными когтями. Яковъ поспѣшилъ къ навѣсу, гдѣ стояли лошади, но навѣса уже не существовало: онъ былъ разнесенъ вдребезги. Телѣги-одноколки тоже сильно пострадали: у одной было сломано колесо, у другой—разбита задняя часть, а третья была укачена куда-то подъ гору, такъ что ее не сразу нашли.

— Вотъ такъ медвѣжьи свадьбы!—воскликали всѣ, обзрѣвая слѣды произведеннаго звѣрями погрома.—Солопо онѣ намъ достались! И угораздило же ихъ набѣжать на нашу тылу!

День насталъ не по осеннему теплый и солнечный, но никому и въ голову не приходило заняться жатвой. Всѣ думали о скорѣйшемъ возвращеніи домой, гдѣ только и можно было придти въ себя и успокоиться послѣ пережитыхъ ночью ужасовъ.

— Ты, Василій Васильевичъ, посидѣлъ бы здѣсь съ Марьей, а мы тѣмъ временемъ ушли бы домой и пріѣхали бы за вами на лошадахъ,—предложилъ Яковъ, но ни учитель, ни Марья не согласились остаться на подосѣжѣ, говоря, что они тоже могутъ уйти пѣшкомъ вмѣстѣ съ другими.

Уже подъ вечеръ прибыли они въ село, при чемъ на деревенскомъ выгонѣ обрадованный Яковъ увидѣлъ своихъ лошадей, услышавшихъ, повидимому, ускакать отъ медвѣдей ильмины и невредимыми.

Долго помнилъ Казанцевъ эту поѣздку на зырянскую тылу и всегда съ удовольствіемъ рассказывалъ о томъ, какъ онъ провелъ ночь „среди медвѣдей“.

Михаилъ Лебедевъ.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Правленіе Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что въ канцеляріи Общества еже-

дневно, съ 10 до 3 часовъ дня, кромѣ дней праздничныхъ, принимаются членскіе взносы отъ лицъ, желающихъ участвовать во второмъ Рыбо-промышленномъ Сѣздѣ Поморско-Мурманскаго района, имѣющемъ быть въ Сумскомъ посадѣ, Кемскаго уѣзда, съ 20 по 31 января 1915 года. Членскій взносъ установленъ въ 1 руб. для представителей поморскаго промысловаго населенія и въ 3 руб. для всѣхъ остальныхъ членовъ.

Засѣданіе Правленія 14 августа 1914 года. Заслушали отношеніе Управленія Земледѣлія и Государственныхъ имуществъ Архангельской губ. о возвратѣ въ казну выданнаго Обществу пособия 1000 руб. или хотя части его, въ виду обстоятельности военнаго времени. Рѣшено сообщить Управленію Земледѣлія, что въ виду полнаго израсходованія полученной О-вомъ суммы оно лишено возможности выполнить настоящее предложеніе.

Въ виду общихъ осложненій по случаю военнаго времени рѣшено выпускать журналъ „Извѣстія Арх. О-ва изуч. Русск. Сѣвера“ одинъ разъ въ мѣсяць, начиная съ 1 сентября с. г., увеличивъ объемъ выпуска до илудиторныхъ размѣровъ.

За призывомъ секретаря О-ва П. П. Берваль въ дѣйствующую армію, рѣшено оставить за Берваль право поступленія на ту же должность секретаря О-ва по возвращеніи его съ войны, нынѣ должность секретаря не замѣщать особымъ новымъ лицомъ, а исправленіе текущихъ обязанностей пока поручить экспедитору О-ва П. А. Таратину.

За выбытіемъ члена Правленія П. П. Ануфриева, отпавившагося на поиски Сѣдова—рѣшено пригласить замѣстителемъ его П. П. Данишевскаго.

Разныя вѣсти.

Максимъ Ковалевскій въ плыну. Русское общество взволновано извѣщеніями о судьбѣ Максима Максимовича Ковалевскаго. Въ особенности въ послѣдніе дни появились тревожныя сообщенія, больно отозвавшіяся въ сердцахъ не однихъ только его друзей. Широкіе круги русской интеллигенціи, знающей и чтущей имя Ковалевскаго, какъ ученаго, политическаго и общественнаго дѣятеля и публициста, негодуютъ на виновниковъ постигшихъ его бѣдъ и беспокоятся за его судьбу.

Въ списокъ возмутительнѣйшихъ дѣяній, которыми занятали себя наши враги, видное мѣсто займутъ издѣательства австрійскихъ властей надъ ученымъ, имя котораго давно пользуется широкой извѣстностью въ культурномъ мірѣ, далеко за предѣлами его отечества. Въ судьбѣ Ковалевскаго заинтересовано не только русское общество.

Труды М. М. переведены на иностранные языки, личныя его связи съ иностранными учеными очень обширны и закрѣплены многолѣтними отношеніями; наконецъ, М. М. неоднократно выступалъ передъ иностранными аудиторіями въ качествѣ лектора. Мы не сомнѣваемся, что ученые и литературные круги Франціи, Италіи, Англіи и Америки не могутъ остаться равнодушными къ насилію, совершаемому австрійцами надъ личностью крупнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, вся жизнь котораго была проповѣдью права и справедливости.

Слѣдуетъ горячо привѣтствовать постановленіе правленія Московскаго общества мира, обратившагося къ министру иностранныхъ дѣлъ съ просьбой принять мѣры къ освобожденію М. М. Ковалевскаго. Необходимо, чтобы это обращеніе было поддержано русскими учеными обществами и учреждениями. Кромѣ того слѣдуетъ освѣдомить о положеніи М. М. ученыя организациі другихъ странъ и пригласить ихъ принять съ своей стороны необходимыя мѣры.

Думается, что академія наукъ, недавно избравшая Ковалевскаго своимъ членомъ, могла бы взять на себя инициативу въ этомъ дѣлѣ.

Экспедиціи Г. Я. Сѣдова и Г. Л. Брусилова. Наконецъ-то окончательно выяснилась судьба двухъ экспедицій.

20-го августа возвратилась въ Архангельскъ экспедиція Г. Я. Сѣдова, направлявшаяся къ Сѣверному полюсу, которая доставила точныя свѣдѣнія объ участи экспедиціи Г. Л. Брусилова, пытавшагося пройти вдоль береговъ Сибири въ Тихій Океанъ по пути Нордешильдта.

Выйдя послѣ зимовки 1913 года на Новой Землѣ, Г. Я. Сѣдовъ чрезъ мѣсяць прибылъ къ Землѣ Франца-Иосифа. Судно остановилось около о. Гукера подъ 80° 18' с. ш. Жили на суднѣ. Сперва все были здоровы. Вскорѣ заболѣлъ цынгой механикъ Зандеръ. Къ 1-му марта 1914 года онъ скончался. Заболѣли и другіе участники экспедиціи. Приходилось питаться мясомъ бѣлыхъ медвѣдей, которое является лучшимъ противоцинготнымъ средствомъ. Однако, охота была плохая. Убили всего лишь четырехъ медвѣдей. На Рождествѣ заболѣлъ самъ Г. Я. Сѣдовъ и около мѣсяца пролежалъ въ койкѣ.

Топливо между тѣмъ все вышло. Отапливали керосинномъ лишь каюту, гдѣ находились больные. Стояла жестокая полярная зима. Страшныя мятели чередовались съ морозами до 37—40°.

Послѣ Рождества начались приготовленія полярной партіи. Къ полюсу рѣшили отправиться самъ Г. Я. Сѣдовъ и двое матросовъ. Снарядили трое нартъ-саней, по 8 штукъ собакъ въ каждой, и захватили нищи на четыре мѣсяца.

Сѣдовъ сильно недомогалъ. Его все уговаривали во чтобы то ни стало остаться и не ходить къ полюсу. Онъ былъ непреклоненъ и говорилъ, что иначе не выполнить своего долга. Участники экспедиціи считали его шагъ просто безумствомъ, но все отговоры были тщетны.

2-го февраля онъ тронулся въ путь. Болѣзнь все обострялась и обострялась, а силы все падали. На второй недѣлѣ пути Г. Я. Сѣдовъ совсѣмъ занемогъ. Его спутники умоляли вернуться. Опасаясь, что они самовольно вернутся обратно, онъ держалъ въ рукахъ компасъ и по нему слѣдилъ, лежа на саняхъ. Наконецъ, достигли до 81° 40'. Здѣсь на пути, въ проливѣ, отдѣляющемъ Землю Франца-Иосифа отъ острова Кронпринца Рудольфа, развернулась большая полынья. Путники разбили на льду палатку. Сѣдовъ уже впадалъ временами въ безсмысленность. Съ нимъ были припадки, и онъ задыхался. Приходя же въ сознаніе, Сѣдовъ жаловался на свои страданія и считалъ дѣло совсѣмъ безнадежнымъ. Даже въ своемъ дневникѣ, который велъ почти до послѣдняго дня смерти, Г. Я. Сѣдовъ писалъ, что страшно страдаетъ. Спутники, желая хоть сколько-нибудь облегчить его страданія, все время держали у груди умирающаго зажженную керосинку. Но все было напрасно.

20-го февраля Г. Я. Съдовъ скончался.

Товарищи рѣшили доставить его тѣло къ мѣсту стоянки судна.

Двинулись обратно со страшной поклажей. Благодаря темнотѣ и непогодѣ, часто сбивались съ пути. Выюги были настолько жестоки, что снѣжная мельчайшая пыль пронизывала положительно насквозь.

Истощенные и полуживые, они рѣшили сперва привернуть къ мѣсту стоянки бывшей итальянской экспедиціи герцога Абруцкаго, гдѣ оставлены той экспедиціей запасы провизіи и керосинъ. Силы у обоихъ падали. Одинъ изъ нихъ началъ впадать въ обмороки, а горломъ шла кровь. Рѣшили похоронить тѣло Г. Я. Съдова. На берегу о. Кронпринца Рудольфа вырыли въ камняхъ яму и похоронили своего начальника. Надъ могилой устроили крестъ изъ крестообразно связанныхъ лыжъ. Затѣмъ побросали двое саней, часть собакъ и лишь только 6-го марта добрались до мѣста стоянки экспедиціи, принеся печальную вѣсть.

Смерть Г. Я. Съдова произвела потрясающее на всѣхъ впечатлѣніе, хотя по-прежнему продолжали научныя изслѣдованія, снаряжали экспедиціи. Съ наступленіемъ лѣта стали готовиться къ отплытію. Для топлива разобрали на суднѣ надпалубные борты, конечности мачтъ, среднюю палубу. Но это было ничтожество. Вскорѣ всѣ эти дрова и вышли. По пути привернули къ мысу Флора, гдѣ нѣкогда зимовала американская экспедиція Джексона. Здѣсь погрузили для здровъ оставленное экспедиціей деревянное строеніе, а также запаслись жиромъ убитыхъ моржей. На мысѣ Флора совершенно неожиданно замѣтили двухъ участниковъ экспедиціи Г. Л. Брусилова: штурмана В. И. Альбанова и матроса Конрадта. Отъ нихъ узнали печальную вѣсть о судьбѣ экспедиціи Брусилова.

Судно „Св. Анну“ затерло льдами въ Карскомъ морѣ еще въ 1912 году и носило среди льдовъ вѣтромъ около 1½ года. Затѣмъ подхватило теченіемъ.—тѣмъ самымъ полярнымъ теченіемъ, которымъ нѣкогда плылъ на „Фрамъ“ Нансенъ.

10-го апрѣля 1914 года „Св. Анну“ принесло подъ 83° 17' сѣв. шир. и 60° в. долг. Провизіи у экспедиціи было мало.

Часть команды судна и рѣшила двинуться къ мысу Флора. Вышло 11 человекъ. Дорогой, претерпѣвая невѣроятныя злоключенія, перенося страшныя лишенія, когда часто приходилось питаться лишь однимъ мясомъ моржей либо бѣлыхъ медвѣдей, двое изъ путешественниковъ скончались.

Недалеко отъ мыса Гранта семь человекъ изъ нихъ пропали безъ вѣсти, а двое все же 9-го іюля, выбившись совершенно изъ силъ, достигли мыса Флора.

Къ счастливой случайности, сюда привернула экспедиція Г. Я. Съдова и, такимъ образомъ, спасла ихъ отъ неминуемой гибели среди мрака и льдовъ суровой природы.

Судно „Св. Фока“ направлялось дальше.

Для топки котловъ сожгли всю внутреннюю обшивку судна, каюты, ягли сало, канаты. Наконецъ, кое-какъ черезъ мѣсяцъ добрались до Мурмана, а теперь прибыли въ Архангельскъ.

Теперь, не медля ни на секунду, необходимо принять мѣры къ спасенію 14-ти человекъ, оставшихся на „Св. Аннѣ“.

Радіотелеграфомъ необходимо дать знать на судно „Герту“, вышедшее на поиски Русанова.

Пока еще не поздно, нужно спасать людей. Это—нашъ долгъ.

Памяти А. В. Журавскаго.

Редакція, собирая біографическія свѣдѣнія о покойномъ дѣятелѣ Сѣвера А. В. Журавскомъ, обратилась за ними къ одному изъ лицъ, близко его знавшихъ, и получила въ отвѣтъ слѣдующее письмо, которое, съ согласія писавшаго, считаетъ возможнымъ привести здѣсь, вмѣсто обычнаго некролога.

Ред.

Покойный былъ единственнымъ сыномъ инженернаго генерала и профессора, оставившаго послѣ себя значительный слѣдъ въ наукѣ своей специальности. Умершій внезапно, онъ оставилъ вдовѣ своей значительное состояніе (до 300.000 р.), которая вскорѣ же скончалась. Къ сожалѣнію, за короткій срокъ владѣнія ею этимъ состояніемъ, оно на $\frac{4}{5}$ было утрачено, и покойный А. В. Журавскій наслѣдовалъ только остатки его. Самъ онъ воспитывался въ частной гимназій г. Гүлевича, а затѣмъ поступилъ въ университетъ, гдѣ, однако-же, государственнаго экзамена не сдавалъ.

Оставшись самостоятельнымъ, изъ случайнаго разговора съ однимъ поморомъ въ Петроградѣ онъ заинтересовался Печорскимъ краемъ, куда въ томъ же году предпринялъ свое первое путешествіе, кончившееся, однако, его невольнымъ кунаніемъ въ водахъ Ледовитаго океана вслѣдствіе морской аваріи. Въ слѣдующемъ году онъ рѣшился поселиться въ с. Устьицльмѣ для лучшаго изученія края и затѣмъ почти все свое состояніе издержалъ на снаряженіе трехъ своихъ научныхъ экспедицій въ Печорскомъ краѣ.

Какъ извѣстно, въ 1902—3 г.г. нѣкто—А. С. Норманъ—проводилъ въ правительственномъ „Вѣстникѣ Финансовъ“ мысль о полной возможности колонизаціи Арх. губерній. Узнавъ о семъ, въ 1906 г.—покойный прикинулъ къ этой идеѣ, называя себя „приверженцемъ“ и „наслѣдователемъ“ ея, а затѣмъ предъявлялъ въ печати научныя и практическія доказательства полной ея осуществимости.

Въ то время онъ помѣщалъ рядъ статей о Сѣверѣ и его колонизаціи въ „Нов. Врем.“ и множествѣ другихъ изданій. Его дѣятельность, наконецъ, обратила на себя вниманіе ученыхъ и правящихъ круговъ, и онъ былъ избранъ дѣйст. чл. Императорскаго Р. Геогр. Об-ва и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Покойный П. А. Столыпинъ выразилъ горячее участіе къ его дѣятельности и оказалъ покровительство.

А. В. Журавскій имѣлъ счастье два раза быть представленнымъ Государю Императору и получить Его Монаршее одобреніе. На четвертую экспедицію А. В. Журавскаго были отпущены довольно значительныя казенныя средства,—до 20.000 р.

Къ сожалѣнію, въ это время (1910 г.) въ Архангельскѣ отнеслись совершенно отрицательно, какъ къ проповѣди о колонизаціи Архангельской губ., такъ и къ дѣятельности А. В. Журавскаго вообще, что и видно было изъ напечатаннаго въ „Архангельскѣ“ журнала мѣстнаго совѣщанія по этимъ вопросамъ. Вслѣдствіе этого вѣдомство земледѣлія отказало въ дальнѣйшихъ кредитахъ на пятую экспедицію покойнаго дѣятеля.

Истративъ все свое состояніе на печорскія экспедиціи и оторванный отъ любимаго дѣла, которому онъ отдавался до самозабвенія, онъ оказался въ очень трудномъ положеніи и взывалъ къ моей помощи, какъ „соратника“ по дѣлу, прося, чтобы я разъяснилъ всѣ обстоятельства его конфликта извѣстному публицисту М. О. Меншикову.

Этотъ послѣдній, уже написавшій передъ тѣмъ нѣсколько статей, сочувственныхъ колонизаціи Архангельской губ., по моей просьбѣ, написалъ новыхъ три статьи подъ заглавіемъ: „Борьба за Сѣверь“.

Статьи эти возбудили общій интересъ въ Россіи и въ правящихъ кругахъ. Ближайшимъ результатомъ явилось официальное признаніе полезности идеи о колонизаціи Архангельской губ. и необходимости ея осуществленія. Назначенъ былъ въ Архангельскъ чиновникъ „по переселенческимъ дѣламъ“, и въ настоящее время заселеніе уже осуществляется, хотя и крайне медленно.

Вѣдомству пришлось еще разъ перемѣнить свое мнѣніе о дѣятельности А. В. Журавскаго. Для того, чтобы дать ему возможность продолжить начатое имъ дѣло, была учреждена близъ Устьилицы, первая въ Россіи Опытная Станція съ бюджетомъ въ 20000 р., на оборудованіе коей въ распоряженіе покойнаго было отнущено до 70.000 р. съ содержаніемъ завѣдующему ею А. В. Журавскому по 4000 р. въ годъ.

Дальнѣйшую дѣятельность его по завѣдыванію станціей я, за неимѣніемъ данныхъ, не могу характеризовать.

Какъ бы то ни было, но даже враги его едва ли могутъ отрицать, что въ наукѣ о Сѣверѣ онъ оставилъ глубокой слѣдъ, давая научныя обоснованія неясному до того времени вопросу о колонизаціи Архангельской губерніи.

Несомнѣнно также и то, что въ исторіи нашего Сѣвера имя А. В. Журавскаго не будетъ забыто, а будетъ помниться, какъ одного изъ самыхъ самоотверженныхъ дѣятелей на пользу нашего края.

N.

Печатать разрѣшается. Исп. об. военного цензора В. Всеволожскій.